

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 80

НОВЫЙ МОСКОВСКИЙ СТИЛЬ

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 80

НОВЫЙ МОСКОВСКИЙ СТИЛЬ

Москва ■

2016

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Новый московский стиль». Выпуск 80 — М., 2016. — 64 с.

«Московский стиль» — настолько же метафора, насколько острополюемическая тема, — так в общих словах можно передать тон состоявшегося обсуждения в Никитском клубе. Разговор о московском стиле как «московском порядке», «московском ордере», «московском строе» выглядит архаичным: по словам специалистов, в Москве нет градостроительного регламента даже в пределах Бульварного кольца (Р. Рахматуллин). Регламенты (в том числе культурные) стали объектом лоббистской борьбы, быстроменяющийся облик столицы определяется инте-ресами и вкусами её участников.

С точки зрения архитекторов, историков, не существует не только московского стиля, нет даже такой задачи, тогда как «тема далеко не экзотическая для русского культурного сознания» (Ф. Разумовский). «Системное проектирование в Москве отключено, оно подчиняется грубому экономическому позыву — двигаются большие деньги» (А. Балдин). Расползающаяся как масляное пятно, Москва напоминает «плантацию, на которой производят квадратные метры» (Ю. Григорян). «Развитие города, а равно и его разрушение мало связаны с мыслью страны о себе и с мыслью столицы о себе» (Р. Рахматуллин).

Всё сказанное, по представлению социального географа, урбаниста, — не более чем «разительные для профессионального сообщества мифы», «утопия прошлого» и «утопия будущего»; «то, что мы видим сегодня в Москве, — это попытка реализации демократической программы развития города авторитарными методами» (О. Вендина).

Почему в этом «визуальном воплощении» всё так неизменно второсортно?! (А. Привалов.) «Не понимаем мы своего счастья» ответом было из зала.

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 80
«Новый московский стиль»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева

Фото Московская Биржа
Подписано в печать 21.03.2016.
Заказ 20873. Тираж 250

ББК 71.04; 85.118

© Московская Биржа, 2016
© Никитский клуб, 2016

**Заседание – круглый стол
«Новый московский стиль»**

28 марта 2016 г.

Участники обсуждения:

Балдин Андрей Николаевич, архитектор, книжный график, эссеист

Блехер Леонид Иосифович, социолог, публицист

Вендина Ольга Ивановна, Институт географии РАН, ведущий научный сотрудник

Григорян Юрий Эдуардович, руководитель мастерской «Проект Меганом»

Гринберг Руслан Семенович, научный руководитель Института экономики РАН

Зимин Дмитрий Борисович, почетный президент ОАО «ВымпелКом» (Билайн)

Иовлева Лидия Ивановна, помощник директора Третьяковской галереи по научной работе

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник-наставник мэра г. Москвы

Мясников Владимир Степанович, академик РАН,
руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН

Перов Максим Вениаминович, руководитель Центра региональных исследований
НИИПИ Генплана г. **Москвы**

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт»,
вице-президент Никитского клуба

Привалова Мария Александровна, директор Московского института социально-
культурных программ (МИСКП)

Разумовский Феликс Вельевич, ведущий авторской исторической программы
«Кто мы?» (т/к «Культура»)

Рахматуллин Рустам Эврикович, координатор движения «Архнадзор», писатель,
москвовед

Устюжанина Елена Владимировна, заведующая кафедрой экономической теории
РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н.

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель главного редактора журнала «Родина»,
историк, писатель

Председатель заседания — **А.Н. Привалов.**

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Позвольте объявить открытым очередное заседание Никитского клуба, сегодня оно посвящено теме, которая сформулирована в итоге после долгих дискуссий так: «Новый московский стиль».

Я не очень понимаю, о чём мы сегодня будем говорить, потому что у нас три первоначальных докладчика, каждый из которых полностью свободен в своих высказываниях. Я скажу несколько начальных слов, вкратце обрисовав своё представление об обсуждаемой сегодня теме, разумеется, никого не из докладчиков, не из обсуждающих ни к чему не обязывающее.

Позвольте поделиться сугубо профессиональным наблюдением: нет сегодня в Российской Федерации пресс-службы, работающей лучше, чем пресс-служба московского правительства. Скажем, на федеральных телеканалах очень легко услышать критику действий федерального правительства. Случается услышать отдельные фразы, критикующие президента Российской Федерации. Но никто, никогда, ни в каком падеже не сказал ни одного не то что дурного, а не восторженного слова по поводу действий московского правительства. Замечу, что в прежние времена, при прежнем главе московского правительства, при господине Лужкове, и при нынешнем это достигается принципиально разными способами. Углубляться мы в это не будем, ведь не это тема сегодняшнего обсуждения. Но поскольку вот такой свирепый дефицит не только что критики, но и попыток анализа происходящего в Москве — их просто нет в широком общественном пространстве, — то я позволю себе немного пережать на ту педаль, на которую никто не жмёт. Вы уж меня извините.

Для начала процитирую знатока нашего нынешнего мэра — женщину, знающую его с тюменских времен. Это цитата из некоего Интернет-ресурса. «С тополями да, он расправится, (кто-то спросил, правда ли, что Собянин не любит тополей, — да, у него аллергия). Кроме того, уберёт все общепитовские киоски, прочистит все подвалы, займётся чисткой метро, всё оттуда повыволакивает. Займётся строительством эстакад. Дороги будут шире, внутридворовые постройки уберут, центр очистится. В идеале ему нужен аэродром. Аэродром и дома современного стиля. Я не думаю, что он тяготеет к старине, ему нравится современная архитектура, современный дизайн, новые технологии, хай-тек. Ему не нравится скученность, нужно, чтобы всё проглядывалось. Стремление к простору у него с детства — он родился на севере, в тундре. Тундра — это простор, и маленькие, редкие деревья. Он привык полностью оглядывать эти пространства». То есть, как шутят на цитируемом ресурсе, плитка — до горизонта, а вдоль горизонта едет велосипедист.

Пока, с точки зрения обычных людей, в московских переменах проглядывается ровно одна генеральная идея: московское правительство борется с автомобилями и, в общем, достигло в этом смысле существенных успехов. Всякий человек, бывающий на московских улицах, скажет, что за последнее время действительно, особенно в центре, стало заметно легче. Это правда. Вопрос: какой ценой? Будем ли

А.Н. Привалов

мы хвалить доктора, который избавит нас от подагры ампутацией ноги? А впечатление такое, что в борьбе с автомобилями всё остальное забыто и отброшено.

Ещё цитата из простонародных обсуждений: «Когда они показывают нам “как в Европе”, они показывают то, что на поверхности. А на поверхности — плитка, велосипедисты, подогреваемые тротуары и дворы без машин. “Вот и нам надо точно так же”, — говорит Собянин и начинает геноцид автомобилей с утроенной энергией. А ларчик открывается просто. Для автомобилистов под этой европейской замечательной площадью — целый подземный город, по нему можно проехать транзитом, можно запарковаться и пойти гулять по поверхности. Именно это и есть настоящая Европа». Конечно, такая «настоящая Европа» делалась много десятилетий, её нельзя воспроизвести в столице нашей родины за пять или десять лет. Ну, так никто и не убивает автомобили на поверхности такими темпами.

Нам объясняют, что преобразённые центральные улицы делаются для людей. А что на этих улицах должны делать люди? Им там нечего делать. Тут я слышал краем уха, как по телевизору какие-то барышни рассказывают (естественно,

восторженно рассказывают), как замечательно изменятся шестьдесят или семьдесят улиц Москвы в наступившем году; в частности рассказывают, как решена проблема Тверской. Знаете, чего не хватает Тверской, чтобы там стало полно народу, чтобы она была живая, шевелящаяся, полная людьми? Там не хватает подземных переходов. Вот всё там есть для того, чтобы люди заполнили её праздничной толпой, а подземных переходов нет, и это надо исправить.

Как, государи мои, а всё остальное уже есть? Ну да, тротуары широкие, будут ещё шире, будут велодорожки и скамейки. А чего там делать? Там недоумерли несколько магазинов, большей частью дорогих. Где маленькие магазинчики? Где маленькие забегаловки? Где то, вокруг чего ходит народ? Я читал в чьём-то блоге отчёт о том, как автор изображал из себя туриста. Я, говорит, понимаю, что ещё не лето, но я вот пошел по центру Москвы. За полтора часа гуляния по центру Москвы, по той же самой Тверской и окрестностям, он нашел три точки, где можно купить бутылку воды, ровно три точки. Так что для оживления Тверской не хватает только пешеходных переходов.

Ещё цитата. Поскольку тут я буду цитировать человека известного, я его назову. Это Григорий Исаакович Ревзин [искусствовед, архитектурный критик]: «Как и многие другие явления в нашей жизни, этот муниципальный европеизм был имитационным. Мы смотрели, как устраиваются общественные пространства Барселоны, Нью-Йорка, Сингапура, Копенгагена, брали лучшее, на наш взгляд, и имплантировали в Москву. Экономическая подоснова их жизни нас интересовала в меньшей степени. Малый бизнес, торговля, городские сообщества, вовлечение граждан, процедуры согласия — это как-то у нас не шло». Ну конечно, не шло. И вот теперь нам рассказывают, что на Тверской, на которой нечего делать, на которой стоимость аренды и транспортные условия убили весь живой бизнес, а с ним и все шансы на уличную жизнь, — теперь им не хватает только подземных переходов — ну, счастье какое!

И поверх всего какая-то упорная захолустная второсортность. Вот только что я проехал по Пушкинской — стоит опекушинский памятник. К нему, наверное, у эстетов есть претензии — наверное, Микеланджелов Давид получше. Но всё-таки вполне приличная скульптура, давно привычная, давно родная для нас всех. И наставлены вокруг неё какие-то киоски с детской площадки провинциального детсада, прямо вот вокруг Пушкина стоят четыре или пять этих самых ужасных павильончиков. Это что, это каков класс? Посмотрите на все отремонтированные поверхности. Почему они всегда кривые? Почему всегда плитка — кое-как? Почему половина Красной площади косо покрашена в бело-желтую зебру? Какая зебра на Красной, пешеходной, площади? Что это? Почему всё всегда так неизбежно второсортно?

Нет, наверное, не всё — наверное, я перегибаю палку. Ну так очень уж эту самую палку перегнули в другую сторону. В общем, в том, что происходит с обликом центра Москвы, мне представляется довольно очевидной тенденция деградации в захолустье, причём захолустье какое-то странное — с имперскими зданиями,

с потоком дорогущих автомобилей, потоком (он уменьшился, но он никуда не денется, он — поток), и при этом пустая, пустая столица. Что будет дальше, как это будет выглядеть завтра, послезавтра? Может быть, всё-таки когда-нибудь мэром Москвы опять будет москвич или, во всяком случае, человек любящий, чувствующий Москву? Ну, не знаю.

Я говорю слишком долго для вступительного слова, простите меня Бога ради. Давайте приступим. Если позволите, я предоставлю слово первому из наших докладчиков. Координатор движения «Архнадзор», писатель, москвовед Рустам Рахматуллин. Прошу.

Р.Э. Рахматуллин

Добрый вечер! Время от времени мы здесь собираемся, чтобы поговорить о Москве, и понятно, что собравшихся это действительно горячо интересует, интересует в разных аспектах.

Помню разговоры об удвоении Москвы. Помню, мы тогда пришли к выводу, что удваивается не город Москва, а субъект Федерации «Москва». Это было сказано покойным Глазычевым, записано в трудах клуба, наверное, озвучено где-то ещё. Следовательно, город Москва просто заново учится управлять своей сельской периферией, которую совершенно не обязательно урбанизировать. Но так ли думают те, кто продолжают развивать «Новую Москву», меняя категории земель? Нет приводных ремней, которые подводили бы работу мысли к реальности. И, конечно, очень хотелось бы, чтобы такие клубы, как Никитский клуб, обладали этими приводными ремнями, позволяющими как-то заново запустить размышление о городе.

Сразу скажу, что не отношу себя к числу рассерженных горожан в том смысле, в каком говорят о рассерженных по поводу неправильных выборов и озбоченных вопросом, на что бы ещё рассердиться. Но давно принадлежу к рассерженным прежде всего вандализмом, уничтожением Москвы и тем, как она развивается. Особенно же тем, как мало развитие города, а равно и его разрушение связаны с мыслью страны о себе и с мыслью столицы о себе.

Вы, Александр Николаевич, начинаете с озеленения или расширения пешеходных пространств, а мне хочется поменять масштаб разговора.

Вот при участии России освобождена Пальмира. Погиб наш офицер. Страна почувствовала свою ответственность за важнейшую территорию восточной части христианского, а не только средней части мусульманского, мира. Страна повела себя имперским образом. Страна на мгновение обрела то, что мне представляется её идентичностью. Но каким образом имперская идентичность отражается в облике столицы страны?

Вторая часть вопроса: мыслит ли вообще руководство страны архитектурой? Последний, кто мыслил так, был, наверное, Николай I. Ну, потом Сталин, да. Потом мышление архитектурой, которое было бы сопряжено с мировым горизонтом,

Р.Э. Рахматуллин

с идентичностью страны, снова ушло и не вернулось. То, что мы сейчас видим в городе, не имеет никакого отношения даже к столичному статусу города — города, являющегося столицей национального государства. И ещё менее — к статусу города, являющегося столицей империи.

В этом смысле действительно можно говорить о провинциальности. Хотя это слово я не люблю, потому что оно происходит от корня «завоевание», «завоёванный». Но действительно планировочные, архитектурные, градостроительные действия в Москве, на мой взгляд, чаще всего не являются столичными. И уж, во всяком случае, не отражают имперский масштаб задач страны.

Понимаю, что даже в этой аудитории, как в любой современной аудитории, собрались люди, которые делятся на тех, кому близок имперский дискурс (извините за слово), и тех, кому он не близок, тех, кто по-разному видят события в Сирии или на Украине. Тем более сложно говорить о развитии столицы, которая так разделена в своём человеческом наполнении. Как должна выглядеть столь разделенная столица? А ведь два года разворачивается картина чрезвычайного общественного

разделения и разобщения. Поздравили мы друг друга с нашей победой в Пальмире, с тем, что мы помогли правительству одной из стран спасти остатки памятника всемирного наследия? Попробуйте просто припомнить, кто, как и с кем об этом говорил в вашем кругу. Можно ли припомнить простое поздравление друг друга с этим? Если да, то как часто и в какой компании?

Боюсь потратить много времени на предисловие, но что такое Москва в этом контексте, мне совершенно не понятно. Так ли важно, будет ли ширина тротуара метр или четыре метра, будет ли Покровка расширена по чётной стороне или по нечётной? Не так ли должно быть в Торжке, в Ельце, в Калуге? Что в этом столичного? Так ли важно, с какой скоростью будут перекрашены, почищены городские фасады? Не то же ли самое должно происходить в Твери, в Рязани? Между тем у Москвы есть характеристики, свойства столичности, о которых действительно стоило бы говорить.

Возвращаясь к фигуре мэра (которого я совсем не хотел обсуждать, потому что он стал вполне понятен за прошедшие годы), нужно отметить главное: в отличие от предыдущего мэра, он наместник федеральной власти. Отношения предыдущего мэра с федеральной властью были по крайней мере двойственными, сложными, оппонирование там прослеживалось, и это позволяло градозащитникам, как и горожанам, рассерженным по другим поводам, находить площадки для критики. Почему нынешний мэр критикуется слабее прежнего? Да именно потому, что он имеет карт-бланш от федерального центра. Когда почтенный архитектор, занимающий важные должности в архитектурной корпорации, выступает с критикой разрушительных работ в метро, а через некоторое время в федеральной газете сокращаются эти абзацы, то совершенно очевидно, что правительство Москвы имеет достаточный карт-бланш, чтобы не только городские, но и федеральные газеты высказывались умеренно...

А. Н. Привалов

Простите меня, пожалуйста, тут далеко не только политика, тут ещё и экономика.

Р. Э. Рахматуллин

И экономика. Но прежде всего карт-бланш есть следствие того, что мэр Москвы является наместником федерального центра. Следовательно, когда мы говорим о политике мэра, мы должны понимать, в какой мере это собственно политика мэра, а в какой мере это федеральная политика.

Есть ли вообще федеральная политика в отношении Москвы? В чём она выражается или должна выражаться? Мой любимый пример связан с попыткой переноса парламента на мокрый луг, в спальный район. Что в этом имперского? Что в этом римского? Что в этом просто московского? И вообще что в этом? Какова мысль? Совершенно провинциальный, нестоличный жест. По-видимому, просто коммерческий размен с господином Гучериевым, который мечтает получить ста-

рое здание парламента в Охотном ряду. Возможно, под снос, хотя это памятник.

Удалось сказать об этом публично не один раз, в том числе на центральных телеканалах. Но проект остановился не из-за критики, а из-за того, что траты на подобное строительство в нынешней ситуации представляются циничными. Никак иначе, ни в каких иных терминах причины, цели, смысл переноса парламента в Нижние Мнёвники, на анти-холм, на мокрый луг, не обсуждаются. Саму тему вообще никто не обсуждает, только информируют. Парламент спускается с холма в лужу. А остаётся этот спуск, повторяю, только потому, что нет денег, или неприлично их сейчас так тратить.

Казалось бы, столичный жест — проектирование парка в Зарядье по инициативе президента. Но тут же — и для президента, видимо, это было открытием на Совете по культуре в конце минувшего года — один из инвесторов этого парка получает на съедение (в порядке компенсации?) последние оставшиеся от Зарядья доходные дома у метро «Китай-город» — там уже стоят силовые леса. Снос пока остановлен, вероятнее всего благодаря тому, что Архнадзор в лице Константина Михайлова смог выступить на Президентском совете. Никак иначе не удавалось донести голос, простую мысль, что строительство этого, условно говоря, президентского парка имеет обратную сторону — сопровождается новым вандализмом.

Не говорю уж о примерах уничтожения памятников теми, кто обладает «федеральным ресурсом». Ведомство Якунина уничтожило половину Кругового депо Николаевского вокзала, причём на заборе было написано «реставрация». С тех пор оказалось, что Якунин политически не бессмертен. Но такое впечатление, что мэр Москвы общался с ним словно с другим субъектом Федерации. Или дом Болконского. Или дом на Садовнической улице (инвестор — группа ЛСР). Есть короткий список людей и организаций, которые равнее других — в этом ли состоит федеральная градостроительная политика?

Есть ли общие принципы у этой федеральной градостроительной политики? По сторонам Красной площади четыре группы кранов: над 14-м корпусом Кремля, над Средними торговыми рядами, над Зарядьем и над Софийской набережной. Интересно знать «федеральные мысли» по этому поводу. Можно ли обнародовать подпись, документ, на основании которых разрушается 14-й корпус Кремля? — нельзя. Будут ли восстановлены четыре корпуса Средних рядов для Музеев Кремля, снесённые распоряжением Фрадкова? — неизвестно. Как будет выглядеть парк «Зарядье» в деталях? — никто не знает.

К слову, конкурсный американский проект Зарядья имеет всё меньше отношения к реальности: проектные работы ведут прежде всего те, кто имеют допуск; до сих пор не закончено перемежевание участков. А перемежевание нужно для того, чтобы вернуть городу устья переулков, отходивших от Варварки; чтобы изменить начертание участков Патриаршего подворья и Музея «Старый Английский двор». На Варварке всего три пользователя со своими межами — Церковь и два музея,

1

2

к которым американские «гении» не пришли. Они словно не выходили за забор стройки, чтобы поговорить с этими тремя. Они рисовали проходы между Варваркой и парком, не глядя в кадастровую карту, которая... является публичной. Они рисовали переулки там, где их не может быть — через братское погребение людей, найдённых археологами, где установлен крест, через центральную площадь Знаменского монастыря. А когда их внимание обращали на это, они чрезвычайно обижались.

Теперь несколько картинок на тему сугубо городской градостроительной политики. Пример совершенно вопиющий с маленькой презентацией. Её ещё никто не видел, кроме слушателей нашей Школы наследия¹. Это врисовки 18-этажного здания, которое уже начинают строить, в панорамы с церковью Петра и Павла на Новой Басманной, автором эскиза которой считается царь Пётр (рис. 1).

Стройка в одном квартале от церкви — Рязанский переулок, 13. Что в этом имперского? Что в этом столичного? Есть ли здесь вообще какая-либо мысль государственная или только частная? Конечно, только частная. Вот всем знакомые ракурсы от центра. Мы разве что приуменьшили высоту проекта, чтобы не преувеличить. Видите, за церковью советские 12-этажки? А здесь 18 этажей. Это вид с моста над железной дорогой (рис. 2). Повторю, церковь эскизно спроектирована Петром I, как давно известно. Думаю, в Петербурге это был бы скандал масштаба Охта-центра. Здесь протестная кампания пока только начинается. Насколько она будет звучной?

Могу добавить, что именно этот инвестор, когда Москва попыталась ограничить его аппетит, пошёл в суд и убил там «сносную комиссию» [Комиссия правительства Москвы по вопросам градостроительной деятельности в зонах охраны и на территории достопримечательных мест]. Да-да, если кто не знает, «сносная комиссия» в декабре ликвидирована по суду, по иску застройщика из Рязанского переулка (истец — ЗАО «Ведомство-Капитал», входящее в группу компаний «Coalko»). После

¹ Школа, учрежденная Архнадзором совместно с МАрХИ и другими партнерами. — Р.Р.

чего разные другие застройщики вышли на площадки без протоколов «сносной комиссии» и даже вопреки тем решениям Комиссии, которые приняты до суда. То есть они просто получают ордера.

О чём ещё этот пример? По действующему закону, органы охраны памятников (а Рязанский переулоч находится в объединённой охранной зоне памятников) лишены права согласовывать архитектурные решения вне территорий самих памятников. Ещё раз: архитектурные решения в зонах охраны никак не зависят от органов охраны. Инструментов нет.

Но инструмент появится, если Москва в границах Камер-Коллежского вала станет так называемым историческим поселением — это термин Закона. Правовой режим исторических поселений прописан в Законе гораздо жёстче, чем режим зон охраны. В частности, Закон говорит, что органы охраны памятников согласуют архитектурные решения в границах исторических поселений. Понятно, что согласование органа охраны — тоже не панацея, могут и согласовать; но есть, по крайней мере, сама законодательная возможность отклонять подобные проекты.

Законодательство позволяет Москве стать историческим поселением. Если помните, федералы отказались сделать Москву историческим поселением федерального значения, что, безусловно, позорно. Однако по действующей редакции закона, вступившей в силу больше года назад, Москва как субъект Федерации сама может учредить в своей черте историческое поселение регионального значения. И даже не одно. Образовать историческое поселение «Старая Москва» в границах Камер-Коллежского вала, где существовали бы жесточайшие регламенты, не позволяющие так строить, — вот это было бы столично.

Столица, которой скоро девять веков, но которая не хочет иметь статус исторического поселения с самым жёстким режимом охраны городской среды, — это столица? Столица, которой федеральная власть не хочет придавать такой статус, — это столица? В отсутствие такого статуса город действительно становится провинциальным

Как я понимаю, руководство города не хотело бы делать Москву историческим поселением. Даже единый градостроительный регламент в пределах Бульварного кольца, который был разрекламирован несколько лет назад, остался под сукном. Потому что он неудобен. В нескольких столкновениях экскаваторов с проектом этого регламента победили экскаваторы. Правительство Москвы решило, что лучше оставить регламент в проекте.

Ещё раз: у нас нет единого градостроительного регламента даже в пределах Бульварного кольца. Идёт штучная работа по земельным участкам, регламенты которых оказываются объектами лоббистской борьбы. Борьбы, в которой мы, например, представляем интересы «неопределённого круга лиц», а застройщики из Рязанского переулка — себя конкретных и свой ресурс.

Так что ширина тротуаров и замена видов общественного транспорта, на мой взгляд, уходят на второй план.

Завершая, хотел бы обратиться к названию нашей темы — «Новый московский стиль». Вероятно, имеется в виду «большой стиль». Не рискую слишком распространяться в присутствии практикующих архитекторов. Думаю, что и Юрий Григорян, и некоторые другие присутствующие архитекторы принадлежат господствующему «большому стилю», который именуется модернизмом. Но, связывая окончание своего выступления с началом, задаюсь вопросами: пригоден ли этот общеевропейский, общемировой модернизм для выражения имперской или иной столичной темы? Не является ли он тем общим местом, которое необходимо преодолеть, чтобы обрести лицо?

Я не о безликости архитектуры — есть очень стильные вещи в лоне современного модернизма. Но способны ли они выразить тему русской столицы, — столицы Восточной Европы, Европы восточного христианства?

На мой взгляд, в таких координатах и нужно размышлять о поисках нового «большого стиля», который, конечно, не может родиться по мановению, по щучьему велению. Однако накопление модернистских образов (да еще в стилевом коридоре, близком действующему главному архитектору города — в «спичечном стиле») ведёт к тому чувству пресыщения, за которым обычно следует рождение нового «большого стиля». Надеюсь, будущий московский стиль станет имперским стилем восточно-европейской столицы.

В чём это может выражаться, будет ли это ближе к неоклассическим опытам? Думаю, да. Думаю, что тонкая аристократическая струя современной неоклассической архитектуры, которая представлена сегодня лишь несколькими именами, снова разольётся вширь, что пригодится опыт Таманяна² и Жолтовского³. Но это будущее — в тумане.

А. Н. Привалов

Спасибо, Рустам. Насколько я понимаю, у нас уже выработался некий стандарт нашего заседания — мы не будем обсуждать каждый доклад по отдельности, мы слушаем всех трёх начальных докладчиков, а потом будут вопросы и обсуждение.

Так, я предоставляю слово архитектору, руководителю мастерской «Проект Меганом» Юрию Григоряну — прошу Вас.

Ю. Э. Григорян

Спасибо большое. Во-первых, спасибо за приглашение. Я польщен. Никогда здесь не был. И довольно трудно выступать после Рустама, потому что он..., ну, в общем, я в основном согласен с половиной того, что он сказал.

² Таманян Александр Оганесович (1878–1936) — русский и советский архитектор, представитель неоклассического направления в архитектуре.

³ Жолтовский Иван Владиславович (1867–1959) — русский и советский архитектор, художник, крупнейший представитель ретроспективизма в архитектуре Москвы.

Р.Э. Рахматуллин

В основном — с половиной?

Ю.Э. Григорян

В основном, ну, с первой половиной, я бы так сказал. А я просто постараюсь коротко высказать свой взгляд, какие-то десять пунктов, как я вижу то, что происходит в городе, и то, что оказывает на нас влияние.

Во-первых, происходит, и не сегодня начался, безудержный рост — то, что по-английски называется *sprawl*, и то, что Гутнов⁴ выразил словами «расползается как масляное пятно». То есть Москва просто продолжает распозаться и распозаться, и распозаться. Свидетельств этому достаточно, это и Новая Москва, когда она захватывает новые территории, не умея справиться с транспортным коллапсом. Причин и идеологий за этим стоит множество — например то, что надо строить жильё. Никто не знает, зачем его надо строить, потому что его построили в два раза больше, чем было, а обеспеченность москвичей, можно сказать, практически не увеличилась. При том что Москва продолжает оставаться «плантацией, которая производит квадратные метры». Это не мое изобретение, это из нашего исследования «Археология периферии». Наши экономисты это просто декларировали — что Москва, в общем, ничего другого не производит, кроме квадратных метров, она их и продаёт.

Таким образом, мне кажется, Москва, выбросив вот этот протуберанец Новой Москвы, просто показала новый радиус. Поскольку она развивается на плоскости органично, она выбрасывает щупальца, щупальца обрастают застройкой, потому что надо жить у дороги, потом происходит кольцо, а потом зарастает середина. Скажем, когда город маленький, это происходит быстро. С помощью индустрии все кольца сейчас стали быстро зарастать, поэтому Новая Москва, с моей точки зрения, будет размером с КАД, и в ней поселится, по нашим подсчетам, 150 млн. человек, причём сравнительно с небольшой плотностью. Когда это произойдет, я не знаю, но я думаю, что это произойдёт достаточно быстро, если что-то не случится.

Вторая история — планирование этого *sprawl*, и как вообще те, кто имеют отношение к городскому планированию, пытаются с этим управляться. По сути дела — никак, потому что препятствовать этому человек не может, и мы это видим. Что бы кто ни говорил, остановить распозание не удастся. В частности, кризис системы планирования был подтвержден на конкурсе «Большая Москва», на консультативной сессии, где было понятно, что никакие ограничения не помогают, и она будет распозаться. Тогда встаёт вопрос качества. И качество этого распозания,

⁴ Гутнов Алексей Эльбрусевич (1937–1986) — советский архитектор, теоретик архитектуры и градостроительства.

Ю.Э. Григорян

поскольку оно чудовищное и не контролируется, приводит просто к тому, что мы воспроизводим опять же вот этот циклический механизм деградации (из того же исследования), мы просто воспроизводим этот кризис.

По моему личному мнению, мы уже воспроизвели,— в частности я сам этот продукт,— когда появилось какое-то поколение людей, которые не жили в нормальной городской среде. Ну, то есть либо надо этому заново учиться, либо что-то делать. Последствия этого никто не оценивает, хотя это самая большая проблема. И любовь к телевизору, мне кажется, тоже происходит оттого, что просто нет других каналов коммуникации.

Третий пункт — это, собственно, что тогда развивается? Развивается инфраструктура. И здесь существуют механизмы регулирования. Мы видим, в частности, как как развивается транспорт. Вот есть такой интересный простой пример — торговля. В европейских городах большие торговые центры могут располагаться от городских границ, например, в 10 или 15 километрах, то есть они не могут находиться в городской черте, потому что убивают стрит-ритейл, уличную торговлю, они убивают малый

бизнес. Но при этом развивают пригородную транспортную сеть, и поэтому в Германии, в других странах большой торговый центр специально помещают далеко.

Мы наблюдаем, как до сих пор продолжают выдаваться разрешения. Причём я хочу сказать, что моё выступление не носит никакого критического характера, я просто пытаюсь сообщить то, что наблюдаю. Вот то, что большие торговые центры, как, например, неожиданно появившийся на Кутузовском на 400 или на 300 тысяч метров, говорит о том, что малый бизнес, конечно, не может развиваться, потому что никакие первые этажи жить не будут, если вы этой радиацией накрываете весь город. У нас есть документы, которые документально подтверждают, что десятью торговыми центрами четыре раза перекрыта вся территория Москвы в пределах МКАД, — то есть радиация уже существует.

Четвертый пункт — старая Москва, которая у нас есть хотя бы в пределах МКАД. Это достаточно уникальный, интересный, современный город, который нам просто достался в наследство. И мы, как бы не видя его достоинств, сегодня просто никак их не эксплуатируем. Его доступность, открытость и т.д. — это огромный потенциал, который мы всё равно перестроить не сможем. И нельзя все пятиэтажки заменить 25-этажками. Здесь можно сказать просто о феномене культа центра, который характерным образом проявляется в том, что все процессы, все инвестиции начинаются с центра, а периферия так и остается периферией.

Я не знаю, что Рустам имеет в виду под столичностью, но мне как раз кажется, что столичность и вообще нормальное градостроительное мышление — это когда ты идёшь в худшие места и, ну, не знаю, занимаешься мусоропереработкой, очисткой, ещё чем-то, но ни в коем случае не полируешь и не портишь то, что у тебя есть в руках. Мне кажется, что такая центростремительная тенденция вообще в рассмотрении города в том, что одна ценность — это центр, и только здесь находится наследие, — это совершенно не так. Город целиком — это и есть среда, которая производит человеческий капитал. Другой, с моей точки зрения, экономики в мире вообще больше не существует.

И то, что происходит сегодня в области общественного пространства, к чему мы тоже какую-то руку приложили в десятом году, — мне кажется, что здесь надо разделять приведение в порядок, что, наверное, в чём-то было необходимо (как с вывесками, например). Но в то же время, имея вот эту центростремительную тенденцию и культ центра, получается, что опять выхолащивается то, что мы уже имеем, и происходит украшение того, что мы уже имеем. Хотя, если честно сказать, то когда ты смотришь на здания, очищенные от этих вывесок, или хотя бы какие-то другие тротуары, — я бы не сказал, что мне это не нравится.

Что касается архитектуры, я бы сказал важнейшую вещь — что она вообще-то не является частью культуры. Например, на канале «Культура», вполне мной уважаемом, если вы посмотрите количество передач, в которых вообще упоминали слово «архитектура» за всю историю этого канала, то найдёте, может быть, одну или

две. И в этом, мне кажется, сегодня состоит задача, в этом есть проблема — просто вернуть архитектуру в культуру. Закрытый цех, со своим сленгом, со своими представлениями, со своим, может быть, излишне модернистским представлением о том, как вообще должно развиваться пространство, и о ценностях, — он, конечно, не может не иметь коммуникации с другими стратами. Мой личный опыт коммуникаций с театральными стратами говорит о том, что они вообще не понимают ценности архитектуры, и с точки зрения вкуса очень трудно наладить эту коммуникацию, о чём говорит пара театральных зданий, построенных в Москве.

Городское развитие — это ни в коей степени вообще не есть строительство. Считается, что город развивается, когда город строится. С этим трудно спорить. И я вначале сказал, что Москва будет строиться и достигнет, с моей точки зрения, невиданных физических размеров. Но при этом развитие происходит вне строительства. И изменение любой парадигмы превращает город совершенно в другое пространство. Мы существуем во времени, и то, что нам кажется важным сейчас, становится ну совершенно изменившимся завтра, как мы видим, с приходом новых технологий.

И последнее, что я хотел сказать, имея в виду, что всё-таки город — это главная ценность, которая производит человеческий капитал. Я просто должен отреагировать на то, что сказал Рустам по поводу «большого стиля». Мне кажется, что «большой стиль» — это просто когда рядом с одним красивым домом стоит другой красивый дом, как сказал известный архитектор. Я, честно говоря, боюсь того, что Вы говорите. Потому что любая попытка вообще ввести какой-то стиль, помимо регулирования, может превратить Москву в город кошмаров — есть какая-то такая внутренняя у меня убежденность. Но тем не менее тоску по сталинской Москве можно было бы отдельно обсуждать. Мне кажется, за этим стоит что-то совершенно нестоль личное и Москве абсолютно несвойственное. И просто Вам, как человеку, который занимается охраной наследия, говорить об этом... Это город — как композиция, конечно. Но то, что он уничтожил, как и османовский Париж, предыдущий город — это, конечно, нельзя не брать во внимание.

Р.Э. Рахматуллин

Я в основном говорил о предыдущих стадиях классицизма и об аристократическом начале за ним стоящих.

А. Н. Привалов

Спасибо. И наш третий сегодняшний вступительный докладчик — Андрей Николаевич Балдин, архитектор, книжный график, эссеист, — прошу Вас.

А. Н. Балдин

Спасибо. В программе ещё так написано, будто бы я работаю в конторе «Большой московский непроект» [название заявленной темы выступления А. Балдина].

А. Н. Привалов

Да, неплохо...

А. Н. Балдин

Да, ничего. На самом деле так и есть, в каком-то смысле я в ней и нахожусь — в глубокой скорби и внутреннем несчастье. Дело в том, что я градостроитель. Это отдельная история, особая головная боль. Мы занимаемся большей частью устройством города, образно говоря, невидимой Москвой. Сейчас речь шла о видимой. Это остро, болезненно и в отношении стиля, и в любом другом смысле. Но нас учили другому — работать с устройством, пространственной «мускулатурой», «костями» города. И с этой анатомией Москвы дело обстоит плохо.

Такое впечатление, что системное проектирование в Москве отключено, этот механизм не работает. Мы наблюдаем некое бескостное тело, зыбко-подвижное, быстро переменчивое. Оно подчиняется грубому экономическому позыву — двигаются деньги не самые чистые, хотя и очень большие. Сказывается политическая конъюнктура — меняется начальство, одно конфликтует с федеральной властью, другое не конфликтует. Это зыбкое образование, по-моему, никакого стиля на себе нести не может — столичного, имперского или провинциального, никакого. Это всё фантомы стиля, их и производит «Моснепроект». Большое проектирование Москвы пребывает в летаргии. Возможно, коллеги со мной не согласятся, но я склоняюсь именно к такому диагнозу. И об этом системном сбое хотелось бы сказать несколько слов.

На прошлом заседании говорили о том, что прошло двадцать пять лет новой России — пора, наверное, делать определённые обобщения. Это очень важно. В отношении градостроительного дела это принципиально важно. Мы прожили двадцать пять лет без системного градоустройства. Может быть так: без времяустройства, без проекта. Тогда возник этот несчастный «Моснепроект». Мы сразу заговорили об этом, специалисты, коллеги и т.д.

Я помню, первый разговор был весной 1992 года в довольно странном здании, или обыкновенном здании, просто разговор был странный. В Академии госслужбы на проспекте Вернадского — мы там заговорили о том, что да, прежняя система проектирования сломана и не может быть восстановлена в чистом виде. Но нужно думать о следующей внятной, организованной системе, нужно думать о том, чтобы город был проектно управляем.

И уже тогда, двадцать пять лет назад, мы выслушали первые возражения на этот счет. Некоторые из них были замечательны. Например, такое: «мы не хотим обратно в коммунизм». Мы спросили, а причём тут коммунизм? Мы и не зовём в коммунизм. Тогда нам сказали: «Хорошо, в таком случае мы не хотим в фашизм». Почему фашизм? А потому, сказали нам, что только тоталитарные системы проектируют и вообще как-то выстраивают своё будущее. Вот это да! Это был занятный поворот

А. Н. Балдин

мысли, с которым, кстати, я с тех пор сталкиваюсь постоянно. Двадцать пять лет я в том или ином виде слышу это заклинание: «проектируют только коммунисты и фашисты».

Проектируют не коммунисты и фашисты, а разумные люди страны и города. Это и есть цивилизация, которая предполагает работу проектной системы. Это просто. Можно казать сложнее: цивилизация, как проектная система, помещает наше сознание в большое время. Хотя и это просто. Очень просто: вы должны знать, что будет не только сию минуту, но и завтра и послезавтра. И на это нам двадцать пять лет отвечают: этим занимаются только тоталитарные режимы. Изумительная логика: «давайте-ка поживем одним днём».

Город — это система, за которой нужно следить. Его градообразующее устройство — невидимая система, но и за невидимой системой надо следить. Понятно, что начинать нужно не с города. Мы не выдумали следующую Россию. Прежняя — коммунистическая, на свой манер помещающая себя в большое время — исчезла в начале 90-х годов. А новой нет.

Что такое следующая Россия, как система во времени, мы до сих пор не знаем. И сейчас идет спор — имперская она или не имперская. А пока мы живём одним днём. И Москва живёт как будто без костей и мускулов, без стиля, какой-то зыбкой массой. Её невозможно всерьёз проектировать как столичную систему вне контекста целостного проекта следующей России. Без проекта будет только хаос в головах и наяву. Будет только это шевеление московских телес, которое подчинено или большим деньгам, или воле очередного большого начальника.

Но на всякую попытку системного проектирования идёт этот ответ: «Нет-нет, поживём одним днем». И далее: «Как настрадалась Россия! Весь XX век её насиловали какими-то проектами». Слово «проект» среди некоторых моих знакомых было запрещено. Это одна из главных фобий прошедших двадцати пяти лет. Чего я только не слышал на этот счет — «пожалуйста, хватит заглядывать в будущее, пришло время другой парадигмы». Какой парадигмы — беспроектной, безбудущной? Это туман и галлюцинации. Это варварство — выход, выпадение из большого времени. Классическое «однодневное», одномерное варварство.

Занятно, что примерно такие же разговоры были у меня в другом кругу — среди учителей и реформаторов образования. И вот от этих умнейших людей я услышал примерно то же. Едва я завел свои горестные разговоры о надобности системы и т.д., о том, что необходимо учить истории, как пониманию суммы связей во времени, как тут же получил по шее. «Какая сумма связей? — спросили меня. Нет никаких особых связей. Есть сумма фактов, вот и всё». Я сказал: «Так нельзя. Это же варваризация. Разъём связей во времени — это варварство». Мне было сказано: «Ты ничего не понимаешь в варварстве». Эта фраза меня оцепенила. Красивая формула — «Вы ничего не понимаете в варварстве!» Причём мне это сказали люди, которые, на мой взгляд, и ломали школу. Варваризовали школу те, кто хорошо понимает в варварстве. Я тогда призадумался.

Нет, я совсем не хочу погружаться в какие-то параноидальные рассуждения о врагах, жуках и насекомых. Это неправильно в принципе. Мы сами решили отдохнуть головой — вот проблема — двадцать пять лет назад. Нетрудно понять людей, которые тогда не захотели обратно в коммунизм. Никто туда не хотел, не считая самих коммунистов: Россия этим учением довольно утомилась, она устала от жёсткой детерминированности коммунистической «системы во времени». Кстати, эта система присутствовала и в области градостроительства, когда генпланы были просчитаны на 40 лет вперед почти до гвоздя. Ну хорошо, Россия этим жёстким графиком утомилась, отправилась в отпуск, отдохнуть от большого проектирования. Сколько он продлится, этот отпуск, этот блаженный сон «поживём одним днем»? Отпуск продолжается...

Что в итоге? Нас накрывают волны недопроектирования — что-то было не придумано двадцать лет назад, что-то десять, что-то пять. Скверно то, что это стало нормой. Мы сейчас принимаем за норму абсолютную аномалию, болезнь, сон разума.

Не так давно меня мои друзья, архитекторы-объёмщики, позвали помочь. Им нужно было написать градостроительную заметку — как их проект вписывается

в большую Москву. Кстати, замечательные архитекторы, хорошие дома строят — всё прекрасно. И вот они зовут меня и говорят: «Давай, системщик, напиши про московскую систему. Мы бы сами написали, но у нас аврал». Я с превеликим удовольствием — наконец-то! — начал что-то сочинять. Они посмотрели на мои картинки и говорят: «Ну, хорошо, это ничего, связно. Складно звонишь, — что-то в этом роде. — Но учти, на самом деле это всё вчерашний день. У нас тут был один урбанист (я почему-то сразу напрягся, хотя я в каком-то смысле сам урбанист), и он сказал, что во всём мире двадцать лет никто городов не проектирует. Это не модно». «Не модно» — отличное выражение! «Это так провинциально...» — ещё лучше.

Но меня насторожили не сами эти слова, а сначала цифра — двадцать лет. Этот разговор был примерно пять лет назад. То есть мои друзья говорят мне, что с начала 90-х годов — тот момент, когда Москва решила отдохнуть от проектирования — весь мир перестал проектировать города. Странное совпадение. Выходит, из солидарности с Москвой весь мир решил пожить вне большого времени. Всё это чушь, конечно. Это лапша на ушах. Кстати, если кто-то начинает говорить: «во всём цивилизованном мире делается так-то», — это вранье. Весь мир живёт очень по-разному. Есть города, где работают проектные системы. Это не обязательно «Нью-Йоркпроект» или «Парижпроект». Это делается по-другому. Но они работают, эти системы помещения городов в пространство большого времени. Где они не работают — города превращаются в помойку. Я сказал своим друзьям: «Хватит пороть ерунду. Есть нормальные города. Как же они так прекрасно образуются?». «А вот так: один красивый дом — к другому красивому дому, и в целом как-то само выходит».

Тут у меня рвётся сознание и отказывает внутренняя цензура, когда я слышу: «само выходит». Нас учили в своё время, били по голове за такие слова. Наши преподаватели трактовали слова «само выходит» исключительно в желудочно-кишечном смысле. Жёсткое толкование, но понятное, очень доходчивое. Само выходит — получай вместо города известно что. В большом горшке. Само выходит — иди лечиться. Зачем на город-то гадить? За что Москву-то, если у тебя само пошло?

Я ушёл от своих друзей в печали и тоске. Вот они, двадцать пять лет недопроектирования — мы живём в том, что само вышло. Это не проектирование, а перистальтика. Я уж не говорю о стиле. Не будет здесь никакого стиля, пока идёт такой чудесный процесс. Не будет получаться ни один большой проект, пока мы отдыхаем от большого времени. Тут был упомянут несколько раз пресловутый проект с удвоением Москвы — вот лучшая иллюстрация истории «Моснепроекта». Кстати, картинка удвоенной Москвы, которой какие только ни находили определения — «юбка», «фар-тук», «опухоль», «протуберанец». Эти слова не очень точные. Никакая это не опухоль. Это город, я извиняюсь, обделался, и лужа просочилась до Калужской области. Это позор — так обойтись со своей столицей. И фигура эта вполне закономерна. Атрофия проектных мышц, и в результате вместо серьёзного проекта — карикатура.

Можно вспомнить ещё одну карикатуру — с выступлением России на ЭКСПО – 2010 в Шанхае. Кстати, лозунг этой выставки был: «Лучше город — лучше жизнь». По сути, страны мира показывали свои достижения в большом проектировании — каково в вашем представлении лучшее будущее? И вот мы изготовились рассказать о своём лучшем будущем, составили проект. И вышло так, что я оказался на обсуждении этого проекта в писательской делегации, — моя книжка⁵ попала в финал «Большой книги». И как-то сразу я там загоревал и соскучился, потому что увидел то же самое: подобие проекта, какую-то весёлую карикатуру. Наш павильон был составлен из больших иероглифов, лежащих на земле. Прочитать их было нельзя, разве что из самолета. Нам рассказывали: «Китайцы любят, когда всё из иероглифов». Первый вопрос: мы-то здесь при чём? Нам нужно показывать своё, а не китайское будущее.

Но это был не главный вопрос, не самая главная беда. А главная беда была в том, что своего большого будущего мы не выдумали. Мы отказались от этой задачи как таковой тогда, двадцать с лишним лет назад. Теперь пришло это недопроектированное будущее, и выяснилось, что показывать нечего. Там выступал Борис Краснов, сценарист, и говорил: «Объясните мне, что показывать. Предметы будущего? Принесите их мне, я их поставлю, включу свет, Николай Басков споёт о будущем. Но где эти предметы, что это такое?». Он был в растерянности. И все были растеряны, все чувствовали себя в тупике. Было ощущение какой-то культуры: руку отрезали двадцать лет назад, ту руку, которая должна рисовать будущее, и вот эта культура пытается взять в руку карандаш и что-то нарисовать.

Всё это кончилось ерундой и карикатурой. Додумались назвать нашу экспозицию «Незнайка в Солнечном городе» — вот наше представление о будущем. Первыми, как мне рассказывали, обомлели китайцы: они не знали, как перевести слово «Незнайка» на китайский язык — неуч, дурак? Россия выставила себя страной дурачков, весёлых человечков, которые лежат на грядках, разинув рот, и ждут, когда им в рот опустятся ягоды величины с грузовик. Злее карикатуры на собственное будущее придумать, по-моему, невозможно.

Вот, собственно, и всё. Простая история, и вывод простой: пока работает «Моснепроект», пока мы спим за пределами большого времени, пока пребываем в варварстве — новейшем, блаженном варварстве, — никакого московского стиля не появится. Москва будет трястись как желе и только спешно чему-то уподобляться — то западу, то востоку, то Европе, то Китаю. Вот и всё. Остальное — производное.

Нужно включать московскую голову, вставлять в неё мандариновую дольку, которая отвечает за будущее. Свое собственное, без иероглифов.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Есть ли вопросы к докладчикам? Прошу Вас, Михаил Иванович.

⁵ Протяжение точки. — М.: Первое сентября, 2009.

М. И. Москвин-Тарханов

У меня два вопроса к Рустаму Эвриковичу и один вопрос к Андрею Николаевичу. Вот смотрите, у нас были эпохи. НЭП московский — ну, сами знаете, сплошной трест «Моснадстрой» — центр города надстраивался. Потом вся Одесса сюда приехала — «общежитие имени Бертольда Шварца», квартирный вопрос. Дальше был имперский период, который с ужасом тут вспоминаем: сколько было снесено всего и разрушено. Потом был социальный период Хрущёва — строили пятиэтажки, отказывались от традиционной застройки. Потом была эклектика Брежнева. Потом был «большой деловой стиль Лужкова». Когда было хорошо, по-вашему? И было ли хорошо в каком-то периоде когда-либо?

Р.Э. Рахматуллин

Михаил Иванович, очень короткий отрезок Вы берёте — XX век, это не с начала. В этих столетних пределах у меня предпочтений почти нет или совсем нет. Социально — нет совсем. Эстетически это всё-таки в большей степени неоклассика, как я сказал. Но эстетически, в отрыве от целого. Для меня Жолтовский — не оправдание советской версии империализма. Я не за советскую версию империализма, поэтому не знаю, как иначе ответить. Нужно выбирать на шкале тысячелетней.

М. И. Москвин-Тарханов

Я понимаю.

Р.Э. Рахматуллин

Если говорить о Москве — несколько меньшей [шкале], но не столетней.

М. И. Москвин-Тарханов

Спасибо. Да, тогда немножечко добавлю, зацепившись за «хвостик» Вашего ответа. Ведь и при русском капитализме мы целыми кварталами центр города сносили, чтобы строить доходные дома, порой начисто. Это было иногда что-то страшное — такой «бульдозер», что мало не покажется. Конечно, если, может быть, ещё глубже пойти, то что-то иное было после пожара 1812 года, когда о стройплощадках французы «позаботились».

Хорошо, второй вопрос: Вы говорили о «большом имперском стиле». Возьмём центр Москвы, который даже с прилегающими некоторыми частями, то есть историческая часть Москвы, самая важная часть города, составляет всего 4% от нынешней площади Большой Москвы, или не более 10% от Москвы до присоединения новой территории. Мы же сейчас о нём только говорим, мы же не говорим о Тушине, о Братееве, о Марьино, что там тоже должен быть «большой московский стиль».

Большой московский стиль реализуется в столичной, центральной её части. Но в той столичной части, где он должен реализоваться (а я бы с удовольствием

его реализовывал вместе с Вами, с огромным наслаждением — я вырос на Тверской, и у меня тоже соответствующее представление об «имперскости»), он требует, чтобы большинство машин было изгнано, малый бизнес был из этой зоны выдавлен. Чтобы кругом сияли витрины парадных магазинов и были видны колонны разных имперских учреждений. Чтобы был «имперский порядок» в благоустройстве, всякая легкомысленная реклама была снята. Чтобы вообще деловая мелкотравчатая эклектика, да и просто деловая активность ушла из центра. Чтобы было, как в правительственной зоне Вашингтона или Парижа при Османе, при Наполеоне III, чтобы как Муссолини планировал здания в Риме, или возмём проекты Шпеера [личный архитектор Гитлера].

Имперский стиль предполагает изгнание всего того, о чём стонут некоторые москвичи, он способен уничтожить или изменить часть исторической застройки, не правда ли? Скажем, мы будем оставлять один памятник, красиво его реставрировать, а рядом у нас будет площадь, здесь у нас будет колонна со статуей, здесь у нас будет имперское учреждение, а остальное снесём. Не опасен ли имперский стиль для исторического наследия?

Р. Э. Рахматуллин

Это ко мне вопрос? Я только опасуюсь, как бы мы в оставшееся время не заговорили о ларьках. Я не хотел бы оценивать сейчас совсем юридическую сторону, но что город свой образ должен восстановить каким-то законным образом — это очевидно. Это очевидно, да. Но это первый шаг, он общий, на мой взгляд, для любого города — большого, маленького, куда доходят руки, силы, деньги. Повторяю, так же должны поступить и в нестоличных городах, где и асфальт не везде, не то что плиточное покрытие. В уездных городах по центральным улицам местами по земле ходят, по грунту. С этим не поспоришь. Но что следующее, что собственно столичного за этим должно наступить?

М. И. Москвин-Тарханов

Понятно. Спасибо большое. Значит, тема есть. У меня ещё один вопрос будет к Андрею Николаевичу. Я член Экспертного совета при Владимире Иосифовиче Ресине, который находится в Государственной думе, там интересный собирается народ. И вот, праздно рассуждая в перерыве, я спросил уважаемых коллег, которые проработали 40 лет (ну, вы знаете, кто там собирается, наверное, догадываетесь), был ли когда-нибудь Генеральный план Москвы выполнен и насколько — от «Перспективного плана» 1774 года до Генерального плана 2010 года, который я имел честь представлять в Мосгордуме при принятии его вместе с Кузьминым. Пессимисты сказали, на 7–8% разве что выполнялся любой Генеральный план, оптимисты — на 25%.

И тогда возник вопрос: а что же мы планируем-то, если мы ничего не выполняем, если мы начинаем нарушать Генеральный план, когда он даже еще не принят? Он только представлен — уже его нарушаем. Неужели он существует просто, чтобы его

М. И. Москвин-Тарханов

нарушали? И я спросил: «А можно тогда обойтись без Генерального плана?». Нет, сказали мне все, без Генерального плана нельзя, тогда мы не будем знать, что мы нарушили. Ну как же тогда планировать, расскажите! Мы потратим гигантские силы и средства на составление планов, которые тут же нарушим и никогда не выполним.

А. Н. Балдин

А в чём вопрос-то?

М. И. Москвин-Тарханов

Вопрос провокационный в том, имеет ли смысл поднимать тему планирования, если эта тема нереализуема по традициям делового оборота и всей жизни нашей страны?

А. Н. Балдин

Во-первых, идеальных ситуаций не бывает никогда. Никто, если речь идёт о серьёзных специалистах, не требует стопроцентного выполнения генплана.

Генплан — скорее, некая матрица, устав, который должен определять поведение субъектов города. Сейчас он не действует. Действуют чьи-то бизнес-планы, которые опрокидывают, подминают под себя генеральный план. Кстати говоря, именно со времени Лужкова заработала эта машина. Упадок градостроительства начался тогда — заработала антисистема. Большие деньги опрокидывают любую преграду, в том числе «сносную комиссию», о которой говорил Рустам. Волны денег, от которых ждут ещё больших денег, — отсюда берётся хаос. Никто не против делового оборота, но он — только одна шестеренка в больших городских часах. А часы — это и есть настоящий генплан, в котором должны быть сведены все надобности города.

Р.Э. Рахматуллин

Можно я добавлю? С извинением, что много, может быть, говорю и отвечаю не на свой вопрос. Приведу пример минимально реализованного, вовсе нереализованного плана — «Новая Москва» Щусева. Но надо понимать, во-первых, что это произведение мысли, что люди, им занимавшиеся, переходят в следующие коллективы, и мысль эта прорастает в следующие планы (1926 года и каким-то образом дальше), что это есть род размышлений, он фиксируется определённым образом. Размышления — о чём? Наталия Николаевна Броневицкая, историк архитектуры, которую, наверное, многие здесь знают, поразительную вещь сказала в 9–10 томах «Памятников архитектуры Москвы», который она написала сейчас: «Новая Москва — это щусевский план двоевластия, это город Ленина и патриарха Тихона, это город храмов». Это не могло быть реализовано, это немедленно ушло. Ну, если вы не обращали на это внимание, посмотрите, как выглядит Новая Москва с акцентировкой церковью. С этой поразительной точки зрения это стало невозможно уже в 1925 году. Но то, как были аккумулированы интеллектуальные силы, куда они пошли, и во что всё претворилось, — имеет значение.

А. Н. Привалов

Дмитрий Борисович, у Вас был вопрос — прошу Вас.

Д. Б. Зимин, почетный президент ОАО «ВымпелКом» (БиЛайн)

У меня вопрос просто на понимание. Я далеко от всех этих сфер. Вот скажите, пожалуйста, — я не знаю даже, кому мне непосредственно задать вопрос, — вот те невероятно жгучие (я тоже коренной москвич) проблемы, которые мы сейчас обсуждаем, — есть ли у вас где-либо возможность их результативно обсуждать, ну, кроме Никитского клуба? То есть я имею в виду, в нашей реальной политической системе — в отсутствии смены властей, отсутствии политической конкуренции и т.д. и т.п., — где-нибудь это дело обсуждать-то можете? Результативно обсуждать, добиваться каких-либо решений? Кроме Никитского клуба, конечно.

Д. Б. Зимин

А. Н. Привалов

Мы тут решений напринимаем, конечно.

Ю. Э. Григорян

Я могу коротко сказать — нет. Мы это обсуждаем, например, в наших образовательных программах, в то время, когда я три года был образовательным директором «Стрелки», — на таких площадках. Можно сказать, что это результативное обсуждение, потому что если посмотреть на результаты первого года исследования «Общественное пространство», то вот то, что произошло с парками, и то, что происходит с улицами, — я надеюсь, это превратится, может быть, в какую-то более сбалансированную деятельность, и тогда можно будет сказать, что это результативно. То же самое мы делаем в МАРХИ. И образование, с моей точки зрения, впоследствии приносит результат. И можно воздействовать через медиа. Но если вы имеете в виду, есть ли кто-то, кому интересно обсуждать вопросы архитектуры и градостроительства, если говорить о каких-то властях предрешающих или о федеральной власти, то — нет.

Р. Э. Рахматуллин

Юрий, а Архитектурный совет при главном архитекторе Москвы?

Ю. Э. Григорян

К сожалению, Архитектурный совет — это архитектурный, а не градостроительный совет, на котором, как раз когда появился упомянутый мной торговый центр на Кутузовском проспекте, первый вопрос, который я задал: а зачем он там нужен? Потому что он очевидно там не нужен. Но поскольку на этот совет попадают решения, принятые на Градостроительной комиссии, то там обсуждается только, в какой цвет этот торговый центр покрасить, или похож он будет на пылесос или на дворец, скажем. Но в существующем сегодня формате этого совета сущностные вопросы там и не должны обсуждаться.

Мой ответ: нет однозначно, по части градостроительства такой площадки нет.

Д. Б. Зимин

Понятно. Я просто хотел спросить, не создаётся ли у вас впечатление, что отсутствие какой-либо площадки для обсуждения относится не только к градостроительным проблемам, но и ко всем остальным проблемам нашей жизни?

А. Н. Привалов

Забыли добавить «кроме Никитского клуба». Вопрос? Пожалуйста.

Р. С. Гринберг, *научный руководитель Института экономики РАН*

У меня вопрос к Андрею Николаевичу [Балдину]. Мне очень созвучны Ваши мысли по поводу отсутствия проектов, проектного плана в Москве. Это, в общем-то говоря, распространяется на все сферы жизни. После семидесяти лет тоталитаризма все как бы вот обожали силы саморегулирования, в том числе и в экономике, которая мне ближе.

А вот скажите мне, пожалуйста, может быть, это всё-таки связано ещё со спецификой архитектуры? Ну, принято считать, что Москва — это эклектика, а Петербург — это более или менее комплекс. Может быть, Москва специально создана для отсутствия какого-либо плана? Это проще намного, чем в Петербурге. В Петербурге, наверное, другая история? Или так нельзя сказать, всё-таки есть общее тоже — отсутствие целеполагания там тоже есть?

А. Н. Балдин

Если использовать такие обобщения, да, действительно, Петербург — моногород в отношении стиля. Моногород во времени, с момента своего появления. «Внезапная» столица, сразу получившая некий парадиз в качестве образца. Москва устроена совсем по-другому. Но — устроена, сложена. Москва изначально не хаос. Скорее спор или, как говорят заезжие архитекторы, война форм. Но лучше — спор,

Р. С. Гринберг

соревнование форм. Здесь присутствует и Первый Рим, и Второй, и вот над ними сооружается некая диалоговая площадка, оформляется Третий Рим. Да, это сложное строение легко переходит в хаос, если Москва отказывается, как сейчас, от стратегического проектирования. Но сейчас мы наблюдаем аномалию. Не проект.

М. И. Москвин-Тарханов

А какие претензии тогда к Лужкову? Точечная застройка — какими бы мотивами это не определялось.

А. Н. Балдин

У меня нет какой-то фатальной претензии к Лужкову. Он пришёл в тот момент, когда столичная система обернулась антисистемой. Вот этой варварской: живём одним днём, всё решает бабло — даже не деньги, это нельзя назвать деньгами. И он, к счастью своему или к несчастью, стал своеобразным символом этой реальности. Я к нему отношусь, как к яркому и нестандартному человеку, очень как раз московскому. Лужков

со своим своеобразным вкусом вторгся в проектный процесс. Похоже, нынешний градоначальник отстраняется от него как можно дальше. Видимо, нужно найти какую-то гармонию в этом вопросе.

М. И. Москвин-Тарханов

У меня технический вопрос к Рустаму Эвриковичу: а чем, собственно говоря, столичный город должен отличаться от нестоличного? Чтобы тоже понимать, я просто далёк от этого.

Р. Э. Рахматуллин

Я думаю, что он должен нести в себе смыслы, символические смыслы, соотносить себя с великими столицами, созданными в лоне той же культуры. Скажем, если говорить о Москве, — обязательно должен соотносить себя с Римом, Иерусалимом, Константинополем, как минимум. Со своими предшественниками на русской карте — с Киевом, с Новгородом, с Петербургом, с Владимиром на Клязьме, в чём-то даже с региональными княжескими столами обязательно. Это должно сквозить в нём, в нём должна сквозить мысль.

Это было видно — сейчас уже нет — в первый раз при начале градосозидающей деятельности Ивана Калиты и митрополита Петра. Второй раз, ну, по крайней мере второй раз, — при Иване III. И так раз за разом. Ответ тут будет слишком распространенный, если входить в подробности. Но шествия на ослы, например, в Вербное воскресенье должны были просто показывать стороны Иерусалима по сторонам Алевизова рва и приводить эту аналогию в некое мультипликационное движение, анимировать, оживлять.

Смыслы, которые были заложены в проект имперской Москвы, — а я считаю, что империя началась с падения Константинополя и достижения Иваном III самодержавия, империя — не самоназвание. Да, смыслы, вложенные в город с этого момента и даже накануне, в предчувствии, в предвкушении, во времена митрополита Петра и Ивана Калиты, затем во времена Сергия, который не был лесным человеком, а был, безусловно, представителем Константинополя в своих предпочтениях, политических в том числе, — вот эти смыслы делают столицу столицей.

Даже в постоянном взаимном оппонировании с Петербургом проявляется огромное количество столичных смыслов. Я привёл сегодня только один пример. Но вынос парламента из Охотного ряда означает вынос его из пространства Московского форума, который просто картографически соотносится с пространством Римского форума, картографически соотнося Кремль с императорским Палатином, а другой берег Неглинной — с Капитолием и Квириналом.

То, как парламент присоединился к Дворянскому собранию, к Колонному залу, то есть к квазипалате лордов, — это, на мой взгляд, промыслительно, это, на мой взгляд, столично. А вот то, как его предлагают поместить на свободное место между 20-этажными

спальными домами, — это деньги, о которых говорил Андрей Николаевич, и больше ничего. Причём лишние, как оказалось, шальные. И ещё размен с Гуцириевым, постыдный размен недвижимости с инвестором, торг за здание законодательной власти страны. Я уже не говорю про конкурс, и что там получалось на выходе, потому что на слово «Капитолий» проектировщикам приходил на память не Рим, а сразу — Вашингтон.

А.Н. Привалов

Ну, так и с ним бы соотнеслись — тоже смыслы прибавились бы.

Р.Э. Рахматуллин

Вот это к вопросу о смыслах. Создателя столицы можно спросить, что такое «Капитолий». И если создатель столицы ответит, что это такой дом в Вашингтоне, то можно не продолжать.

А.Н. Привалов

Да, собственно, он и не ответит. Значит, государи мои, данной мне властью я вопросы прекращаю, а то у нас не останется времени на высказывания. Первым у нас записался академик Мясников. Владимир Степанович, прошу Вас!

В.С. Мясников, академик РАН, историк-китаевед, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций, ИНИОН

Я записался потому, что не нашли перевода слова «Незнайка» на китайский язык. По-китайски это звучит как «дурачок» — вот так, простенько. Там ещё были разные причуды с нашей стороны, не будем на это тратить время.

Я только хочу сказать, что сегодняшний Китай — это, с одной стороны, цивилизация, которая насчитывает 4 тысячи лет, это 2300 лет имперской структуры, 24 династии. И вот они совершили свою революцию и полностью снесли два таких знаковых города (снесли-то больше, конечно). Пекин — столица, историческая столица. Я на протяжении шестидесяти лет бываю в Китае, поэтому я помню тот Пекин и не могу ходить *по этому*. *По этому* можно ездить только на машине, потому что это совершенно другой город. Я не могу сказать, что это город будущего. Это город 25–30-этажных зданий-стекляшек — то, что когда-то придумали американские студенты в Бостоне. Придумали, и начали тиражировать.

Пекин снесли, и Шанхай снесли. Но вот как снесли Шанхай. В Шанхае был ряд улиц, которые были отстроены проклятыми колонизаторами — французами, англичанами, ну и русскими эмигрантами, которые бежали от нашей революции туда, в Шанхай в частности. Но новый Шанхай построили на другом берегу реки. Этот суперсовременный район называется Пудун, там стоят 30–40-этажные дома, 100-этажный дом — гостиница, которую им построили американцы. Это как-то не мешает воспринимать, скажем, Nanjing Road — Нанкинскую улицу, главную торговую улицу

В. С. Мясников

старого Шанхая. Они её сохранили. Там были такие нормальные 5–7-этажные дома, где лавки, где можно гулять, меньше транспорта ходит. Ну, это их проблемы, китайские.

Я москвич, всю жизнь живу в Москве, я вырос на Остоженке. Остоженка — это моя улица в Москве. Сейчас я не люблю по ней гулять, потому что я вижу, сколько ран ей нанесли. Было непозволительно, с моей точки зрения, делать такие вещи. Может быть, Пречистенка меньше даже пострадала. А Остоженка — это же была главная дорога на Киев, если ехать от Кремля, то через Крымский брод и дальше.

Значит, есть ли у Москвы свой московский стиль. С моей точки зрения, да, безусловно. В VII главе «Онегина» замечательна пушкинская зарисовка облика Москвы. Той Москвы, где в доме на Собачьей площадке была квартира С. А. Соболевского, в которой у него останавливался А. С. Пушкин во время своих визитов в Москву. Возок мчится по улицам старой столицы:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,

Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

И послереволюционная Москва всё-таки застраивалась, по-моему, достаточно бережно, соотнося новые здания с каким-то историческим обликом Москвы. Не было такого, как вот сейчас нам показали: около церкви вдруг воздвигают махину. Единственное, что, конечно, нанесло Москве огромный урон, до сих пор не восстановленный, — это то, что были снесены великолепнейшие храмы, памятники архитектуры. Ну, и вообще это храмы были, храмы!

Мне недавно один таксист — он мусульманин — говорит: «Как у вас мало церквей. Вот у нас на каждом перекрестке стоит мечеть, а на улице где-нибудь ещё есть молельный дом». Вот так, то есть на всех перекрестках у них должна стоять мечеть. У нас такого нет.

Я живу на Юго-Западе, и там, на Новочеремушкинской улице, достраивают храм св. Иоанна Кронштадского, поэтому скажу о Петербурге. В Москве практически не осталось москвичей — вот в чём ещё беда, вот почему Москва молчит и не поступает так, как поступил Петербург. Когда, видите ли, Газпрому захотелось там воздвигнуть нечто сверхвысотное, — Петербург сказал «нет!», интеллигенция сказала «нет!», люди вышли на улицу и сказали «нет!». И власть посчиталась с этим. В Москве это, очевидно, уже невозможно: выходить некому. Потому что Москва, наверное, на 80–85% заселена уже не москвичами — им легче переносить, то, что происходит с Москвой.

Я поддерживаю Рустама Рахматуллина, слушаю его передачи по телевизору — вот правильный подход у человека. Вот кто должен быть мэром Москвы или хотя бы советником мэра — с такими знаниями человек, понимаете.

Значит, Остоженку тоже изуродовали. Ну, может быть, ещё как-то так, не очень. Но в целом Москва — это не город небоскребов. Лужков сделал этот бизнес-центр, — я выхожу на Октябрьскую площадь, его уродливые здания видно оттуда. Это что-то противное, это какая-то не городская застройка, а что-то воткнуто искусственно. Когда-то Новый Арбат называли: «вставная челюсть столицы!». И когда вы подойдёте к этой второй «вставной челюсти» и посмотрите поближе, — здания там не составляют никакого ансамбля. Каждый владелец делал на свой вкус: кто-то перевернул так, кто-то в своём цвете его разукрасил. Самовластье наших олигархов и мэров заслуживает, конечно, соответствующей оценки.

Хочу добавить, что не только Москва страдает. Есть такой замечательный подмосковный город Звенигород, он уничтожен практически. Я много лет там жил — там академический пансионат. Я ещё школьником ездил туда. Савва-Сторожевский монастырь — это излюбленный монастырь Алексея Михайловича. Там, на городце,

стоят церкви с фресками Андрея Рублева. Замечательно всё. Город был, никому не мешал. Застроили район «Маяковка» (ул. Маяковского) 4–5-этажными современными зданиями. Но теперь там 20–25-этажные дома вбили — и город убит! И не только в городе, и в соседних деревнях уже поставили. Зачем это, кому это нужно?! А там, видите ли, экология хорошая — хотим на этом месте построить и покупателей квартир привлечь. Экологию тоже угробили, конечно, когда там леса повырубали. Город Чехова, там стоит двухэтажный домик, где Чехов работал как врач. Табличка висит на доме: «Доктор Чехов». Теперь всё это загородили вот этими многоэтажными домами.

Было бы обидно, если бы Москву ожидала в дальнейшем такая же судьба. Но есть какие-то выходы. Лужкова, конечно, мы критикуем, и правильно критикуем, потому что снос гостиницы «Россия» — это преступление, это государственное преступление. Я знаю, о чём говорю. То, что сделали с гостиницей «Москва» — снесли и восстановили, разворовав всё, — это что? Это тоже государственное преступление. И они, эти мерзавцы, должны сидеть в тюрьмах, их должны, может быть, публично вешать на площадях. Я бы первый пошел их расстреливать, честно вам говорю, за мою Москву, за то, что с ней так поступают.

Завершая, могу только сказать, что, с моей точки зрения, есть одно такое отрадное пятнышко — Московский университет. Я объехал много университетов в мире, почти все американские университеты. Лучше нашего в архитектурном решении в мире нет. Это лучший университет. Но территория на другой стороне Ломоносовского проспекта была захламлена — вы помните, что там был бетонный завод, ещё что-то. Лужков её очистил и отдал ректору университета, академику Виктору Антоновичу Садовничему. И Батурина построила там, во-первых, хорошие, вполне московского стиля жилые дома. Они высокие, да, но они нормально вписываются, не вызывают раздражения. И весь ансамбль новых университетских зданий тоже построен в хорошем стиле, не вызывающем никаких протестов — это Библиотека, Шуваловский корпус, Ломоносовский корпус. И сейчас в том же стиле достраивается серия корпусов, где будут производственные предприятия для студентов.

Значит, возможно это делать? Возможно. Не хотят? Не хотят. Почему не хотят? Это вопрос к московскому руководству. Может быть, верховная власть всё-таки должна наблюдать за тем, что делают со столицей России. Ответственны все. Но наши голоса, слёзы и крики старых москвичей, сегодня не будут услышаны, я в этом уверен.

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Степанович. Максим Вениаминович Перов, прошу Вас.

М. В. Перов, *руководитель Центра региональных исследований НИ и ПИ Генплана г. Москвы.*

Я работаю в НИиПИ Генплана Москвы, поэтому в силу корпоративной этики не могу комментировать некоторые, так сказать, текущие решения коллег. Тем

не менее какие-то общие вещи, скорее, рефлексию на то, что я услышал сегодня, я выскажу.

Во-первых, о федеральной градостроительной политике: таковой нет и не планируется. Федеральная власть вообще не интересуется проблемами развития городов, проблемами градостроительства, проблемами архитектуры, ей это в принципе не интересно. Попытки вбить это в головной и спинной мозг, которые я честно предпринимал три с половиной года, когда работал в федеральном правительстве, успеха не имели: не хотят.

Немного о развитии Москвы и о столичности. Недавно мы с Андреем Черниковым [руководитель АДМ Андрея Черникова] обсуждали, что есть столичность, какие градостроительные признаки столичности. Потому что Казань провозгласила, что она третья столица России, и проектируя Казань, воленс-ноленс приходишь к этой теме.

Смотрите, столичность — это, конечно, выражение некоей идентичности политической власти. Она всегда будет сакральна, но сакральна по-своему. Атеистический коммунизм в Генплане 1935 года тоже выстраивал абсолютно коммунистическую сакральность столицы, с капищами и всеми элементами Вавилона. Совершенно неважно, какая там религия, — по смыслу такая. Ну, а допустим, Вашингтон играл совершенно в другую игру с сакральностью, и соответствующие, скажем так, секты, модные в то время, наложили свой отпечаток на Генеральный план Вашингтона. Все эти символы, радостно читают. Всё это мы знаем.

А Москва — это в принципе нестоличный город. Я напомним краткую историю. В Москве в 1899 году началось некоторое градостроительство в общепринятом смысле этого слова, когда Московская городская дума получила право делать проекты-планировки, и тогда были ликвидированы выгоны и скотопрогоны. А до того Москва была типичным русским городом, в котором, как свидетельствовал опрос, так сказать, первое анкетирование мэров российских городов, которое провела Екатерина II, вернее, Академия наук по поручению Екатерины II, был вопрос: в чём обыкновенно упражняются обыватели? Девяносто процентов ответов: обыватели «обыкновенно упражняются черною огородною работой».

По сути, российские города в массе своей были не европейскими в их понимании, а просто, в общем, большими деревнями с некоторыми административными функциями, административно-фискальными, и в очень маленькой степени торговыми. А преобразовать это во что-то столичное крайне сложно.

Ещё такое, заметки на полях. Знаете, когда говорят «генеральный план», почему-то думают, что он такой всеобъемлющий и вообще решит все проблемы. Вообще-то, генеральный план имеет очень маленький, узкий ряд задач — зафиксировать транспортные коридоры, просчитать примерно расселение, где живут люди, а где они работают, и примерно сбалансировать это движение. Больше

М. В. Перов

задач у генплана нет. Дотошные советские генеральные планы, которые до гвоздя, до серии дома выстраивались (имел честь их делать 35 лет назад), — их реализация составляла 3% в сверхцентрализованном административном государстве.

Смотрите, есть процессы, которые идут в городах, ну, скорее, шире они проявляются более в городах, которые, на самом деле, не администрируются. В Москве было запрещено строительство новых промпредприятий. Такой скромный орган — Политбюро ВКП(б) в 1935 году запретило своим постановлением строительство новых промпредприятий. Нарушение запретов — за это, в общем, немножко журили в то время. Отменён он был в конце 70-х годов. С тех пор в Москве было построено под разными вывесками порядка 300 промпредприятий. Например, завод АЗЛК назывался: «Реконструкция цеха завода малолитражных автомобилей» — дабы не нарушать. Но строили, потому что объективное центростремительное движение шло вот в эту сторону. И никакое администрирование, никакие желания против этого объективного цивилизационного процесса не работали.

В этом смысле ряд процессов с 1992 года — тоже объективные. Понимаете, такой вот первобытный капитализм, и Лужков здесь — это просто символ эпохи, выражение эпохи. Но мог быть не Лужков, а другая фамилия — смысл не менялся бы. Первобытный капитализм, эпоха первоначального накопления капитала имеет свои законы. Соответственно, так и получается в большей или меньшей степени. Ещё не так много пострадало, надо заметить, могло быть гораздо хуже.

Ещё один момент, и покажу маленькую картинку. Смотрите, то, что мы видим в результате, — это только такая совсем-совсем маленькая выжимка, которая, в общем, не всегда отражает всё. Вот маленький кусочек из Генплана Москвы, который сегодня обсуждается публично. Это из обосновывающих материалов нынешнего Генплана Москвы. Так выглядит сегодняшняя диспропорция в распределении рабочих мест (рис. 3).

Безумная совершенно диспропорция в центре, понятно из-за чего: из-за радиально-кольцевой структуры сюда удобнее всего добираться из любого района. Ну, а отсюда, собственно, и предложение: размещение новых деловых районов на радиальных дорогах, на МКЖД, на третьем контуре метрополитена и вблизи автомобильных хорд (Рис. 4–8). То есть имеется, в общем, хорошее, мягко говоря, транспортное сообщение.

3

4

5

6

7

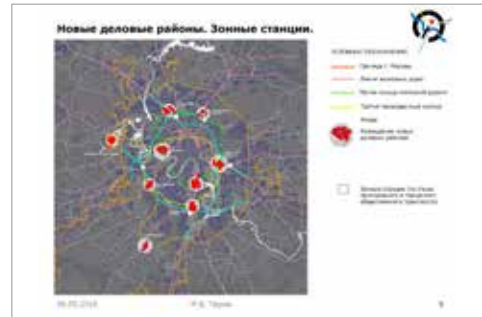
8

Здесь же довольно удачно соотносятся зонные станции пригородного железнодорожного сообщения — фактически это такие квазивокзалы, если угодно (рис. 9).

Как это достигается? В центральной зоне необходимо, соответственно, резко увеличить ставку аренды коммерческой недвижимости, ввести налоговую политику (рис. 10).

9

И тогда возникают зоны, в которых можно давать приоритет жилищному строительству. Рядом с этими деловыми районами можно создавать зоны строительства арендного жилья, опять-таки давая определенные преференции. Ну а какое-то интенсивное жилищное строительство, ежели оно такое ещё понадобится, можно вытаскивать куда-то вдале.

10

11

При реализации этого процесса мы получим снижение плотности рабочих мест, резкое уменьшение автомобильного потока во всей центральной части, практически в пределах Третьего кольца (рис. 11).

Пассажиропоток мы фактически перегружаем на два новых контура, которые берут на себя эту нагрузку — они вполне способны это взять (рис. 12).

Это просто то, что вы не видите, — работа за кулисами, которая на самом деле есть.

Я не согласен, что Москва не проектируется. Градостроители пока работают. Урбанисты, — которые я не знаю, что это такое, и для себя сделал определение, что это градостроители с нетрадиционной профессиональной ориентацией, — ну, наверное, больше говорят.

А. Н. Привалов

Спасибо.

В. С. Мясников

Протестую против выражения «по сути, русские города были большими деревнями». Ни Новгород, ни Псков, ни Киев, ни Ярославль, ни Владимир, ни Астрахань, ни Казань и другие города деревнями не были. Тысячу лет тому назад они не были уже деревнями — вот что я имею в виду.

М. В. Перов

Я не имел в виду деревни, я имел в виду, что это не европейские города.

Р. Э. Рахматуллин

Максим, не западноевропейские города! Не западноевропейские. Но плотность и застроенность в один фасад западноевропейского города — это тоже не признак столичности, это признак любого западноевропейского города. Или, например, отсутствие возможности для Мосгордумы заказывать генплан означает, что генплан подтверждается императором, — и это признак столичности.

А. Н. Привалов

Спасибо. Феликс Вельевич Разумовский, прошу Вас.

Ф. В. Разумовский, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Я позволю себе некоторые замечания, поскольку в прошлом окончил Московский архитектурный институт и имел некое отношение к архитектуре. Мне представляется, что сегодняшняя тема нашего собрания как-то всё время ускользает между пальцами, и только отдельные высказывания, отдельные рассуждения имеют касательство к теме, которая нас сегодня собрала.

Насколько я понимаю, московского стиля сегодня не существует, а главное, и проблемы такой тоже не существует. Мы пытаемся говорить о том, чего нет просто по определению, и Андрей Николаевич [Балдин] об этом уже сказал. На сегодняшний день мы не знаем о себе наиважнейших вещей: нет никакой идеи нашего развития, мы никуда не движемся, нет реального культурно-исторического уклада, который нам хотелось бы оформить и выразить в пространственных образах, — какой же может быть московский стиль? И поэтому мы разговариваем о посторонних вещах — о тротуарах, о плотности работающего населения, транспортных проблемах и т.д. Сразу возникает вопрос: а вообще, эта тема важная? Надо ли говорить на такую экзотическую тему, при том что сегодня происходит за окном?

На мой-то взгляд, эта тема совершенно не экзотическая для русского сознания. Дело в том, что основа русской цивилизации и её главный способ передачи информации — пространственный. Это совершенно не совпадает с тем способом, который использует западноевропейская цивилизация, — там доминируют вербальные, письменные, схоластические средства. Разные системы передачи информации. Для нас, вернее, для наших предков, то есть для людей, живших некоторое время назад на Восточно-Европейской равнине, было чрезвычайно важно то, что они видели вокруг себя. Поэтому, конечно, Москва, как и любой русский город, имела свой особый стиль. Восприятие этого стиля сегодня составляет проблему — традиция русского пространствопонимания практически утрачена. Во всяком случае,

Ф. В. Разумовский

европеизированный Петербург нам гораздо ближе: там прямые улицы, застройка «единым фасадом» и т.д. Такой город понятнее, потому что там воплощена европейская традиция.

Русское градостроительство имеет совершенно другую природу. На этот счёт могу поделиться личными впечатлениями. После того как закончил Архитектурный институт, я лет десять размышлял над тем, а чем всё-таки отличается вообще русское градостроительство от градостроительства западноевропейского, в чём, собственно, суть нашей традиции? На это ушло десять лет, понимаете! Национальная архитектурная школа не давала внятного ответа на такой принципиально важный вопрос.

Это всё вопросы весьма специфические. Они стали настоящим камнем преткновения в советское время, когда наша культура была вообще просто слита, выброшена «с корабля современности». Советская градостроительная практика демонстрировала это со всей очевидностью. Все градостроительные структуры того времени именно перемальвали русское пространство. Я успел поработать в этих структурах и знаю, о чём говорю.

Помню такой характерный пример: дали деньги для того, чтобы в русском городе Суздале — там очень много сельского, тем не менее это очень русский город — построить туристический центр. За проект этого центра потом дали Государственную премию. Ничего лучшего нельзя было придумать, как буквально закопать этот центр, скрыть его чужеродную архитектуру за земляными валами, чтобы его, этот центр, не дай Бог, не было видно ниоткуда, чтобы он не портил русскую архитектуру. Вот к какой ситуации мы пришли. Да, система работала — и «Гипрогор», и институт Генплана, но мы совершенно не могли преемственно развивать русские города и вообще русское пространство. Не могли. Вот в такой ситуации мы пришли к обвалу начала 90-х годов.

Ну а дальше началась наша либеральная революция. (Андрей Николаевич Балдин предлагает отметить 25-летие этого славного события, в смысле поразмышлять на эту тему). Тут не надо смущаться и делать вид, будто непонятно, что происходило с культурой, и в какую реальность мы въехали. Русский либерализм априори отказывается от любой задачи, кроме разъединения — разъединения помещиков и крестьян, одного человека от другого. Разъединение предлагается в качестве универсального принципа. Что будет после этого разъединения, русского либерала не интересует, и обычно этот вопрос даже не обсуждается.

И потому такое мощнейшее средство, как образ города, который нужен в первую очередь для того, чтобы людей соединить, в новой реальности не использовалось. Прежде оформленное и организованное пространство быстро деградировало и заполнилось хаосом. Новым организаторам русской жизни никого не нужно было соединять, а для мобилизации электората используются, конечно, иные средства. Я даже «про бабло» говорить не буду. Тут дело не в бабле как таковой, дело в мировоззрении, для которого бабло — мера всех вещей. Это мировоззрение держит нас за горло, и мы не можем его преодолеть. На этом фоне рассуждать о столичности как-то не приходится...

Мне, конечно, симпатично то, о чём говорит Рустам, но у нас полностью утрачено символическое мышление. Я понимаю, что можно написать что-то похожее на либретто и раздавать каждому пешеходу... Только образ города, его стиль таким путём, конечно, не создашь.

Вопрос же, повторюсь, чрезвычайно важный. Это вопрос национальной, вопрос национальной судьбы. Облик, стиль и образ русской столицы — это, конечно, вопрос национальной судьбы. Только для начала эту судьбу нужно выбрать и взыскать. Мы же ни на какие вопросы о своей дальнейшей жизни ответить не можем. И архитектура не может. Ибо она всего лишь оформляет идеи, если они есть.

К счастью, в истории нашей культуры достаточно ярких примеров воплощения в образе Москвы больших идейных программ. Последнее значительное явление такого рода — образ Москвы эпохи Просвещения.

Про сталинскую архитектуру я говорить не стану. В нынешнем контексте, когда все буквально ударены советским проектом... В том смысле, что не хотели бы жить

при Сталине, но хотят, чтобы всё вокруг было как при Сталине. Ситуация, на мой взгляд, не просто странная, но какая-то почти параноидальная.

Так вот, из нормальных русских явлений отметим казаковскую, «допожарную» Москву — уникальный город, яркое, волнующее зрелище. В пространстве города было явлено множество волнующих смыслов, наполнявших тогдашнюю русскую культуру. Это был город просвещения, в центре которого стоял «храм закона» — Сенат, «храм науки» — Университет, «алтари счастья» — великолепные ротонды московских храмов эпохи классицизма. А был ещё и «форум благонравия» — Зал дворянского собрания, и т.д. и т.п.

Великолепная архитектура, множество волнующих смыслов... Эти смыслы были явлены в пространстве Москвы не сами по себе, не по прихоти городского начальства или общественных активистов; они, эти смыслы, были укоренены в русской культуре и в русской жизни. Так было.

Сегодня ситуация принципиально иная. Прежде всего — в жизни, а уже потом — в архитектуре. И потому мы сегодня собрались по проблеме, которой на самом деле нет. Никакого московского стиля — все это понимают — нет. Потребительское общество и массовая культура реализуют свою программу, так сказать, в других «форматах».

А. Н. Привалов

Что-то у Вас чего ни захочется — ничего нет.

Мария Александровна Привалова, прошу!

М. А. Привалова

Я сначала замечу, что в Москве есть торговый центр «Капитолий». Поэтому мне кажется, что пока Капитолий — это Вашингтон, а не торговый центр, всё не так плохо, как могло бы быть.

Тут было много обобщений, я сейчас добавлю немножко своих, с вашего позволения. Один из выступавших, Юрий Григорян, говорил про человеческий капитал. И вот я немножко скажу про человекочков и их поведение в городе. Потому что — сразу забрасываю обобщение — мне кажется, что в значительной степени проблема разговора о Новой Москве и каких-либо её стилях в том, что мы очень быстро делаем в Москве то, что нужно делать медленно (например строим). И гораздо медленнее делаем то, что хорошо было бы делать быстрее, а именно — развиваем разные социальные механизмы, институты и структуры, настраивающие поведение в городе. Вот об этом я и скажу.

Во-первых, из исследований МИСКП (Московский институт социально-культурных программ) в частности следует, что почти за всё в городе отвечает транспорт [Департамент транспорта] — транспорт отвечает за культуру, транспорт отвечает за качество образования, транспорт отвечает, в общем, более или менее за все социальные явления. И в этом смысле понятно, что им сейчас много занимаются.

Департамент транспорта отвечает почти за всё. Далее, все те изменения, которые были при Собянине в сфере культуры, которые назывались «капковщиной» и как угодно ещё, они показали — это мы видим из наших мониторингов — невероятно быструю скорость изменений. Видно, насколько москвичи изголодались по любому чётко сформулированному предложению. Изменили парк — все ломанулись в парк. Сказали, что есть «Ночь музеев», — все ломанулись в музеи с такой скоростью на эту ночь, с которой на эту ночь не приходят нигде.

Есть очень сильный голод и удивительно быстрая скорость предъявления спроса и роста этого спроса почти на всё, включая театр. В полтора раза за три года уменьшилась доля людей, которые говорят, что в театр не ходят никогда. Понятно, что кроме людей, которые, правда, вдруг пошли в театр, есть ещё люди, которые понимают, что теперь просто неприлично говорить, что не ходишь в театр. Тем не менее это влияет на то, как устроен досуг. И если говорить о том, что люди делают в городе, то мне кажется, что слишком мало ещё долгосрочных смыслов, долгосрочных правил игры, которые могли бы породить какие-то долгосрочные изменения в том, как город предъявляет спрос.

Если говорить о Новой Москве, о которой здесь не раз говорилось, я думаю, многие здесь коллеги знают о мучительных страданиях Хуснуллина: им казалось, что в Новой Москве живёт 300 тысяч человек, а по данным мобильной связи выяснилось, что в три раза больше. А на них никто и не рассчитал в инфраструктуре.

Ещё два страдания из того, что много раз звучало на Московском урбанистическом форуме, наверное, вы это знаете. Первое — что вся стройка в Новой Москве идёт сейчас по давно выданным разрешениям, и нынешняя городская власть как бы ещё не контролирует, что там происходит. А вторая боль — это такое противопоставление Московской области и Москвы. Потому что Московская область по периметру строит ещё активнее, чем Москва внутри периметра, а при этом понятно, что они собираются загружать один и тот же город как бы собой. И где вот там, в этой Новой Москве, окажется Москва как город с собственным смыслом, стилем, как мы здесь обсуждаем, — совершенно непонятно, потому что называться всё будет Москвой, но это название никак не определит сущность.

И если мы говорим здесь про стили, то я понимаю, что уважаемые архитекторы и градостроители говорят про здания, но мне в этом смысле любопытно про образ жизни тоже. И что значит образ жизни в Новой Москве — становится совершенно непонятно. При этом Новая Москва удивительно быстро молодеет, она за полтора года помолодела на шесть, что ли, лет — так изменился средний возраст.

Понятно, что Новая Москва — это такое место, куда в несчастное гетто уезжают молодые семьи с детьми. В Голландии есть такой институт, называется New Town Institute, то есть Институт новых городов, они очень глобально подходят к этой идее, потому что одновременно изучают и современный Китай, и Древнюю Грецию, — всё это, собственно, является одной и той же темой создания и строительства новых

городов. Обсуждая с ними Новую Москву и строительство здесь, чувствуешь себя очень странно. Возникает такое ощущение, что ты как бы читаешь учебник наизусть: в учебнике сказано, что нужно сделать так-то, а мы делаем ровно наоборот. И вот в этом разговоре ты даже, в общем, не очень понимаешь, что с ними можно обсудить, можно только вместе сокрушаться.

И если говорить про городскую образ жизни, то из наших исследований вытекают две вещи, которые нам кажутся очень важными. Я в основном занимаюсь изучением культурных практик и досуга, поэтому буду апеллировать к досугу. Культура — это привычка. Часто в разговорах о том, какие должны быть горожане, интонации такие, будто культура — это какая-то такая обязанность: мол кто-то должен. Никто, разумеется, ничего не должен. И чем труднее до культуры добраться, тем меньше людей до неё добираться будут — это факт.

Помимо того, что культура — это привычка, так это ещё и привычка, которая должна появляться как можно раньше. Чем в более раннем возрасте у человек развивается привычка «потреблять» культуру, тем больше шансов, что она будет потом поддерживаться; в зрелом возрасте она уже не появляется почти никогда. И если сейчас там, на каких-то новых, не очень успешно в смысле инфраструктуры и социальной культуры созданных территориях вырастут поколения (поколения ведь быстро растут, да?), которые не привыкли приобщаться к культуре, потому что им до неё слишком далеко, то дальше, в общем, лишь немногие из них в результате научатся пользоваться городом полноценно и как-то более интересно.

Вот почему — я повторю мое главное обобщение — мне кажется, что мы, к сожалению, ровно не там торопимся, где хотелось бы торопиться. И интересно было бы разговаривать о московском стиле не только в том смысле, в котором речь шла здесь — про то, как выглядят фасады (я упрощаю, простите меня за это), но ещё и о том, а что это значит, быть москвичом. То есть не только, что такое столичное планирование, но ещё и что такое столичный житель, или хотя бы даже городской житель относительно тех территорий, которые сейчас по факту являются Москвой. Мне кажется, что с этим дело плохо, а будет ещё хуже.

А. Н. Привалов

Замечательно. Михаил Иванович Москвин-Тарханов, прошу Вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Спасибо большое. Много лет я был сопредседателем Комиссии Московской городской думы и правительства Москвы по перспективному развитию и градостроительству. Мы возглавляли её вместе с Кузьминым Александром Викторовичем, и там были замечательные специалисты: Юсин, Баевский, Раев, Беккер, Мельниченко, Бачурина — фамилии, известные всем, причём известны разные направления работы этих людей и очень большой их личный опыт. Появлялся у нас иногда

и господин Рахматуллин, помню, заходил на некоторые совещания. Я всегда был рад, потому что, хотя я и юрист, но люблю поэзию, даже если она застыла в камне, и мне нравились Ваши выступления.

Моя роль в комиссии была скромная — Кузьмин редко ходил на эту комиссию и просил меня её вести. А я юрист, я не градостроитель, у меня нет наглости объявить себя урбанистом. Вот я двадцать лет проработал, но не могу позволить себе сказать, что хорошо в этом разобрался, как и многие наши граждане. В этой связи, естественно, возник интерес очень большой — как граждане воспринимают градостроительную деятельность.

Я с самого начала был депутатом от центра Москвы, от той самой Тверской улицы. Люди относятся к развитию и преобразованию центра по-разному, у всех разные мнения, очень много разных мнений. Спрашивал у начальства — там тоже было много разных мнений. Спросил у специалистов — то же самое. И я понял, что ничего из этой палитры я не могу составить, что было бы каким-то «мейнстримом», как говорят молодые люди. Нет мейнстрима, и всё тут.

И тут мне попала книга Блэра Рубла о городах — замечательная книга. В этой книге рассматриваются в сравнении три больших города: Чикаго, Осака, Москва. Автор отмечает, что в Москве наблюдалось феноменальное явление — взрывной подъём народного образования в конце XIX– начале XX вв. Это феномен, который можно изучать, это просто невероятный феномен — насколько повысился образовательный уровень, как расцветали вообще образование, культура и наука.

В то же время Москва была одним из самых запущенных городов с точки зрения городского хозяйства и благоустройства городов Европы: отсутствие канализации, водопровода, мощения дорог, тротуаров, мало трамваев, конка еще остаётся, к строительству метро даже близко не могут подойти. Почему? И он отвечает на этот вопрос после большого исследования так, что русские всегда договорятся об образовании, но они не договорятся о градостроительстве и благоустройстве. Удивительный ответ, но он совпадает с моими наблюдениями.

Я стал приходить на собрания людей, начинал говорить об образовании. Граждане начинают выступать, одни говорят, надо сделать так, другие — надо сделать эдак. Но у всех, при самых разных мнениях, можно сказать, в груди «одно сердце». А вот при обсуждении проблем градостроительных — как у нас сейчас, можно кивать и говорить друг другу, что вы вот правы на 25%, а вы вот аж на все 73%. Но у каждого «сердце бьётся» в своем ритме, каждый смотрит в свою сторону, каждый думает иначе, чем сосед. И мы никогда как следует не можем договориться.

Тогда я решил найти того, кто понимает больше всех, и нашел. Это был Вячеслав Леонидович Глазычев, Царствие Небесное ему. Я к нему приходил несколько раз с интервалом в месяц, пили вино у него в полуподвале в Архитектурном институте и обсуждали стратегию развития Москвы. К нам иногда приходил журналист и записывал. Жалко, что всё это не издано. Не потому, что я что-то могу сказать умное,

а потому что Глазычев замечательные вещи говорил. Он скончался, к сожалению, и стратегия развития Москвы осталась недоработана. Но стало очевидно, что надо покончить с эмоциональными вкусовыми дискуссиями, что мы должны исходить из точного анализа и абсолютно железной, безэмоциональной логики при решении градостроительных вопросов.

Эта железная логика подсказывает: Москва без Московской области развиваться не может. И мы должны обязательно интегрировать усилия всего Московского региона. Мы должны разобрать и диспропорцию с центром Москвы, где более полутора миллионов рабочих мест и всего около 700 тысяч жителей, и ещё днём находится более миллиона приезжих, туристов, покупателей — от трёх до четырёх миллионов человек в будни в дневные часы. Какая «имперскость» может быть, когда центр Москвы, выражаясь фигурально, задавлен толпами людей! И перед всем городом проблемы стоят и социально-экономические, и демографические. Вот еще 90 тысяч новых москвичей к нам приехали в 2015 году. Это много или мало? Это среднее значение, ведь от 80 до 100 тысяч новых москвичей пополняет город каждый год.

За двадцать лет до 2010 года мы построили дополнительно третью часть от существовавшего к тому времени жилья в Москве рядом и даже иногда поверх советской Москвы, которая была ранее. И что? Как было менее 20 кв. метров жилья на человека, так примерно и осталось, потому что ровно на такую же долю увеличилось число москвичей за счёт вновь приехавших. Понимаете, это колоссальные проблемы, гигантские проблемы, они завязаны в сложный узел. И поэтому я не хочу говорить, что я с кем-то согласен, с кем-то не согласен, это будет очень поверхностный разговор.

Сейчас мы формируем новый состав Общественной палаты города Москвы. Мэр меня назначает туда одним из представителей города, туда избирается и Александр Николаевич Крутов. Давайте Общественную палату московскую озадачим этой темой, попробуем поговорить про стратегию развития Москвы, про планы и градостроительные концепции, про «имперскость» и «большой стиль», про архитектуру и историческое наследие. Попробуем всё-таки ещё раз найти некие общие подходы, чтобы у нас было не только общее направление ума, но и «направление сердца» более или менее похожее. Мы же сейчас друг на друга смотрим, и кто-то говорит: «Хороших парковок для наших машин в центре мало». «Да чтобы они пропали, все эти машины», — отвечает другой. И кажется, что все по-своему правы, каждый прав, конечно, да-да. Но на самом деле это не так. Поэтому искать надо решения, как ни странно, в двух плоскостях: в историческом, культурологическом — в высоком плане; и конечно, в прагматическом — техническом, экономическом, социальном плане, в царстве логики и анализа. И уходить от эмоций и вкусовщины. При этом, скажем, я ценю идеи Рустама Эвриковича, меня заинтересовало его выступление по поводу историко-культурного взгляда на Москву. Перед нами стоят серьёзные проблемы, и я приглашаю всех к их дальнейшему обсуждению.

А. Н. Привалов

Спасибо, Михаил Иванович. Семён Аркадьевич Экштут, прошу Вас.

С. А. Экштут, *заместитель главного редактора журнала «Родина», историк, писатель*

Небольшие заметки на манжетах. Противостояние московских и питерских началось где-то с 1703 года, когда был основан и стал строиться Петербург, а в Москве по указу царя Петра Алексеевича было запрещено каменное строительство. Противостояние двух столиц не только не исчезло, но лишь усилилось при других правителях. Такова жизнь.

Екатерина Великая ненавидела Москву, считала древнюю столицу варварским городом. «Град сей древний, что театральная хоромина: пышность и золото спяют очи, а за кулисами пыль да грязь». Она полагала, что дворянская Москва — это такая большая коллективная недоброжелательница, постоянно обсуждающая и осуждающая персону императрицы. А обсуждать, как мы знаем, было что: одни лишь фавориты императрицы давали обильную пищу для кривотолков. В итоге Екатерина Алексеевна мало занималась московским строительством. Во всяком случае, именно из-за вмешательства императрицы интересный архитектурный план В. И. Баженова по созданию Большого Кремлевского дворца, который был создан в годы её правления, доведён до уровня макета, так и не был реализован в камне.

Не буду углубляться в далёкое прошлое, но скажу, что впервые о столичных функциях московской архитектуры заговорил, как это ни покажется, может быть, парадоксальным, лично товарищ Сталин. Возвращаясь после послевоенного отдыха, он взглянул в окно вагона и увидел вот эти избушки, увидел деревянную Москву, пришёл в негодование и сказал: «Что же получается, человек приезжает в Москву, а видит большую деревню», — это были его слова. Сталин хотел, чтобы каждый приезжающий в столицу пассажир уже из окна вагона видел не избушки на курьих ножках, а большие и добротные здания и понимал: поезд прибыл в столицу нашей Родины. Таков был его замысел. (Вот почему многие помпезные дома построены рядом с железнодорожными путями, что отрицательно сказывается на комфорте проживания в них.) И дальше Сталин семь или восемь раз вместе с тогдашним московским градоначальником, которого называли партийным губернатором Москвы, специально катался по Москве.

Этим градоначальником был Георгий Михайлович Попов — первый секретарь Московского городского комитета партии и Московского областного комитета партии, одновременно он был председателем исполкома Моссовета, то есть возглавлял столичную партийную организацию, и советская власть в Москве тоже была под ним. Все властные столичные функции в течение четырех лет — с мая 1945-го по декабрь 1949 года — были в его руках. Так вот он семь или восемь раз — это вспоминал сам Попов — на сталинской машине объезжал Москву, и Сталин лично указывал градоначальнику, не только где нужно возвести ставшие впоследствии столь знаменитыми высотные здания, но и где нужно вообще построить сколько-нибудь заметные дома.

С. А. Экштут

Смысл указаний вождя состоял в том, чтобы на холмах стояли прекрасные здания, и чтобы они доминировали и эффектно смотрелись издали. Значит, если что-то мешало перспективе, — и вот дальше слова Попова, — «надо подломать, чтобы была красивая перспектива». И подламывали. Вот сегодня просто ради любопытства, идя на это совещание, я посмотрел один из протоколов совещания, которое вёл Георгий Михайлович Попов. Он собрал представителей всех министерств, включая тогдашнее Министерство государственной безопасности, каждому из них отвёл участок и велел построить по дому: хотите — жилой дом, хотите — административное здание, хотите — совместите то и другое. И дальше он стал требовать от министерских чиновников активного участия в том, чтобы Москва приобрела столичный вид, и всячески жучил за медленные темпы строительства.

Вот таким образом развивалась сталинская Москва. Но дальше произошла очень интересная смена декораций. В декабре 49-го года ближайшее окружение Сталина в результате аппаратной интриги убрало с шахматной доски Попова, формально — «за зажим критики», потому что Попов котировался на пост Генерального секретаря

и непосредственного преемника Сталина. Сталин любил такие игры, это вы лучше меня знаете. После этого, в общем-то, на верхних эшелонах власти всерьёз Москвой не занимались.

Поэтому я рискну высказать такую гипотезу, что большой московский стиль определяется не градостроительными планами,— да простите меня, господа архитекторы,— он определяется политическим весом московского градоначальника на политическом олимпе страны. И развитие Москвы — это непосредственная производная от политического веса московского градоначальника. Есть этот политический вес — Москва развивается. Другой вопрос, в какую сторону. Если этот вес уменьшается, то ни о каких столичных функциях говорить не приходится.

Да, и я ещё хочу сказать, каким образом в Москве стали строить промышленные предприятия. Тогдашний московский градоначальник Виктор Васильевич Гришин, в 1967–1985 гг. возглавлявший столичную партийную организацию, сказал, что Москва — это город чиновников, и значит тут нет пролетариата. Нужно, чтобы в Москве был рабочий класс. Стали по лимиту завозить рабочих и стали развивать промышленные предприятия. Это было решение тогдашнего московского градоначальника, которое отразилось на Москве. Я не знаю, хорошо ли оно отразилось или плохо, но это была производная от этого политического решения.

Вот, пожалуй, всё. Так что я думаю, что будущее Москвы зависит от политического веса того, кто будет стоять во главе города.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Но если уж вспоминать о тех временах, то это было всё-таки решение не уважаемого московского градоначальника, это было решение повыше, потому что социальный состав многих предметов тогда перестал устраивать руководство. Тогда убили мехмат МГУ, где я получал образование, потому что оказалось, что на мехмате МГУ — вообще ни одного сына рабочего.

Пожалуйста — Устюжанина Елена Владимировна.

Е. В. Устюжанина, *заведующая кафедрой экономической теории РЭУ имени Г. В. Плеханова*

Уважаемые коллеги, я хотела бы принести сначала извинения за то, что я буду говорить как неспециалист. Но иногда взгляд со стороны может дать какие-то новые, может быть, краски. Ну, отношение, которое я имею к Москве, — то, что я в ней родилась, не в первом поколении. Родилась не на Тверской, родилась на улице Горького.

А вот начать я бы хотела с нашего небольшого обмена мнения с Еленой Серафимовной [Петренко, управляющий директор Фонда «Общественное мнение»]. Когда рассказывали о том, что творится в Москве, Елена Серафимовна сказала: «Господи, в архитектуре, оказывается, даже хуже, чем в социологии». На что я ответила: «Но много лучше, чем в образовании и науке».

Е. В. Устюжанина

Я заведующая кафедрой в Плехановском университете и главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН. Вот что я хочу сказать очень уважаемым мной людям. Вы знаете, мы много лет жаловались на то, что государство совсем не обращает внимания на науку и образование, что нет никакого плана, видения и т.д. Но когда обратило — не дай Бог! Вот эти идеи концентрации ресурсов, объединения — просто несколько примеров. Я сейчас заведующая кафедрой экономической теории, последние несколько дней, потому что к моей кафедре присоединяют кафедру экономики труда. Но это не самое страшное, потому что у нас экономический факультет объединили с юридическим — у нас теперь экономико-юридический факультет. Ну, а если взять Государственный университет управления, который присоединяют к Юридической академии... Ну, знаете, по этому принципу, наверное, Большой театр надо объединить с Малым по территориальной близости.

А. Н. Привалов

Елена Владимировна, Вы зря шутите. Я знаю, твердо знаю, по крайней мере, два

больших областных центра, где все научные учреждения объединили вместе именно потому, что они в одном городе. Биологический, исторический — все.

Е. В. Устюжанина

Знаете, Александр Николаевич, я вообще не шучу. Я плачу. Вот поэтому, когда появляются люди, которые начинают говорить о том, как должна развиваться культура, образование, наука, архитектура и т.д., — кто нам гарантирует, что эти люди не убьют всё то, о чём они говорят?

Вот три наши сегодняшние докладчика — мало того что все они блестящие докладчики, они ещё и замечательные специалисты. Но у всех у них совершенно разные точки зрения по поводу того, какой должна быть Москва. Здесь вспоминается песня Макаревича — помните, о музее, который хотят построить на Соловках? Так вот музей чего там строить? Напомню ещё одну известную песню: «..бойтесь того, кто скажет: “Я знаю, как надо”».

Сегодня у нас, к сожалению, выстраивается такая вертикаль власти, так много людей знает, как надо, что, может быть, то, что нет видения, как вы говорите, нет плана, нет проекта, — может быть, вам пока везет.

Ну, а вот что касается того, что ждёт Москву — вы знаете, я хочу просто привести один пример. Много лет назад, первый раз попав в Прагу, на экскурсии я была потрясена словами экскурсовода. Она говорила о том, что город сдали Гитлеру без боя, потому что была угроза бомбежки, и чтобы сохранить всю эту красоту, нельзя было допустить, чтобы немецкие войска его бомбили. А для русского менталитета это было немыслимо. Не знаю, насколько это правда, что мы сами в 1812 году поджигали Москву, но очень похоже.

А вы знаете, вот мне кажется, что Москва выживет несмотря ни на что. Потому что все наши пожары, все наши перипетии всё равно не смогли сломить того, что кто-то называет культурным кодом, кто-то — социально-экономическим геномом — разные есть названия. Нам сейчас, мне кажется, нужно перетерпеть, извините. Нам, наверное, сто лет уже приходится терпеть. Может быть, и больше, да. Но всё-таки, уважаемые коллеги, не мечтайте о том, чтобы кто-то начал думать на 20 лет вперед, — в архитектуре ничего хорошего, скорее всего, не получится.

А. Н. Привалов

Спасибо большое.

Ф. В. Разумовский

Можно замечание? Короткая реплика по поводу этих известных слов Александра Галича «как надо». Собственно, образ архитектуры и её смыслы как раз посвящены тому, как надо. Это чрезвычайно важная констатация в жизни вообще, понимаете. Только — ну как надо? Это же не партийные документы, там в других формах и в других образах можно это всё освещать.

А. Н. Привалов

Эта знаменитая фраза покойного Галича — чисто полемическое преувеличение, в очень конкретный контекст поставленное. Ольга Ивановна Вендина, прошу Вас.

О. И. Вендина, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Спасибо большое. Сегодня на этом круглом столе роль нарушителей мифологического строя дискуссии взяли на себя женщины, я продолжу эту линию. Честно говоря, меня поражает то количество мифов, которое прозвучало, в общем, в очень профессиональном сообществе. И вообще поразила тоска по ясности — по ясности перспективы, ясности проекта, которая выливается то в апелляции к прошлому — такая утопия прошлого, которую было бы хорошо вернуть в сегодняшнюю реальность. Либо утопия будущего — как некоего исполнимого проекта.

Прозвучал и хорошо известный, всеми разделяемый миф о перегруженности центра, о том, что в центре сосредоточены все рабочие места и вся городская жизнь. Хотя мне кажется, что исследованием 2013 года («Археология периферии») было достаточно убедительно доказано, что это является статистически артефактом. Высокая концентрация рабочих мест в центре характерна для сферы управления и верхнего эшелона бизнеса, что совершенно естественно для такого крупного города, претендующего на роль глобального центра.

Возникла дискуссия о столичности. Ну, всё-таки столичность — это не здания какого-то определённого облика и стиля, а функция, имеющая своё визуальное воплощение. И здесь мы сталкиваемся с тем, что эта функция может реализоваться как демократическими, так и авторитарными методами, что и воплощается в градостроительной практике. И мне как раз кажется, что то, что мы видим сегодня в Москве — это попытка реализации демократической программы развития города авторитарными методами. Интересный эксперимент. Я благодарна Марии Приваловой, которая обратила наше внимание на то, что нынешняя градостроительная политика приводит к демократизации жизненной практики общества. Каким образом? Те интенции или потребности, которые существовали и раньше, были заложены в человеческом поведении (в привычках) и реализовывались (лучше или хуже) в частной сфере и семейной жизни, сегодня реализуются в жизни публичной.

Наконец, рассуждая о градостроительстве в ностальгическом плане и вспоминая наши добрые советские градостроительные традиции, которые во многом были замечательными, мы как-то забываем, что территориальная структура города должна соответствовать состоянию того общества, которое сегодня есть, его изменениям. Советское градостроительство эту проблему не решает. Новый запрос общества — это в первую очередь запрос на публичные пространства, на новые формы коллективности. Потому что старая коллективность, которая была характерна для индустриального общества, ушла в прошлое, а для новых форм

О. И. Вендина

коллективности, потребность в которых есть, у нас практически нет мест реализации. И именно эту функцию берёт на себя публичное пространство.

Мы как-то не замечаем изменения наших представлений об улице, которая фактически сегодня стала эпицентром городской жизни. Да, если раньше мы от улицы отгораживались, говорили о «дурном влиянии» улицы, о том, что детей «не надо пускать на улицу», то сегодня всё перевернулось. Улица возвращается как место жизни, а не только как транспортная магистраль или транзитное пространство. Изменился социальный запрос. И надо сказать, что город достаточно адекватно на него отвечает.

Ну и наконец, мне кажется, прозвучал очень важный тезис Юрия Эдуардовича Григоряна, который как-то остался втуне,— что мы должны смотреть не только на центр города и вспоминать не только о себе как о «коренных москвичах», родившихся в этом городе (я так понимаю, что большинство здесь именно такие), но и о городе как целом, о городской периферии, где проживает основная часть московского населения, и где протекает основная жизнь. И сегодня это тоже часть

московской городской программы, когда город фактически не только социально выворачивается наизнанку, то есть основная жизнь бурлит не в центре, а на окраинах, но и пространственно-организационно.

Много говорилось также о необходимости сочетания функционального и символического — о том, что у места есть не только функция, но и символическое значение. Так вот, мне кажется, то, что сейчас происходит в Москве. — это очень важно. — это поиск символического смысла (наполнения) мест на окраинах города, где живёт основное количество людей. Поэтому я думаю, что в Москве всё не так пессимистично, как звучало за этим круглым столом. Безусловно, то, о чём говорят, и то, с чем нужно бороться, — с этим нужно бороться. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что общество чрезвычайно меняется, и что оно не подчиняется градостроительным проектам, а скорее, наоборот, диктует свои требования градостроителям, которые не всегда способны чутко это воспринять.

Город существует как взаимосвязанная система, когда одно определённое решение порождает ответную реакцию и определённые модели поведения (протестную, адаптивную, синергетическую), происходит формирование новых запросов, которые возвращаются к градостроителям как новые задачи.

А. Н. Привалов

Спасибо большое.

Из зала

Не понимаем мы своего счастья!

А. Н. Привалов

Да мы никогда его не понимали.

Леонид Иосифович Блехер — прошу Вас.

Л. И. Блехер, социолог, публицист

Для меня как для социолога самой главной реальностью является реальность социальная, то есть реальность человеческих представлений, и, как следствие, вытекающих из них действий. И тогда город, в особенности такой, как Москва, оказывается в первую очередь реализацией человеческих представлений в камне, в организации пространства, в смене одной мысли на другую — только мысли не отдельного человека, а всего общественного сознания.

Если брать близкий нам советский период, то, скажем, для понимания и ощущения того, что такое утопия сталинской империи, можно вчитываться в какой-нибудь «Краткий курс истории ВКП(б)», а можно прийти на Котельническую набережную и медленно, как бы медитируя по дороге, обойти кругом «высотку с Иллюзионом» — и ощущение будет таким же.

Или другое: лучше нет способа понять, что такое «шестидесятые годы», как походить по пятиэтажным Черёмушкам или полюбоваться Дворцом Съездов. Ведь это, по сути, есть сладкий сон, мечта и идеал этих же самых черёмушкинских пятиэтажек, какими они хотели бы быть в «социализме с человеческим лицом»...

Мы говорим, что Москва — это столица. Но это не вся правда. Москва была и столицей первого большого государственного проекта «Московского православного царства», покровителя всех православных всего тогдашнего христианского мира. Москва была и столицей внутренних регионов империи Романовых, отнюдь не государственной столицей, но «дворянской республикой» тех веков. И наконец, Москва совсем недолго (меньше века, если считать с назначением её государственной столицей в 1918 году) была столицей строящегося коммунистического, утопического государства.

А сейчас Москва — столица чего, собственно? От прежнего периода в Москве осталась только одна, но сильнейшая черта: Москва осталась сгустком воль, решений, реализации возможностей и желаний всех тех, кто *очень хочет*. Но — при отсутствии единой, общей идеи. Иначе говоря, Москва сейчас есть главный город вихревых воль, и эти вихри тянут людей со всех концов нашей необъятной к себе и в себя. А поскольку людей очень много, и они все разные, и хотят все разного, то Москва и даёт много, и вытягивает из тебя все силы, и деморализует, и даёт свободу.

И выглядит она соответственно.

В Москве существуют в одном пространстве все исторические времена, и все они реализованы в камне. И поэтому, идя по бульвару, ты проходишь мимо сталинской многоэтажки и заходишь во двор, и видишь в нём уютнейший особняк Хитрово, а выйдя, плывёшь над местом, где когда-то был жутковатый Хитровский рынок, и через пять минут спускаешься к месту, где остановились в виду Кремля войска Дмитрий Донского по пути на Куликово поле.

Ну и как тут можно навести порядок, ритм и идею? — извечная мечта всех московских начальников. Никак.

Точно так же невозможно представить, как это у нас может быть — при такой-то столице! — идейное, упорядоченное, высоковольтное государство. Волей-неволей приходится сочинять что-то вроде того же Незнайки в Солнечном городе. Не знаю, мол.

И я думаю, что если когда-нибудь займем такое представление, то и архитектура Москвы под такое представление подтянется. Архитектура ведь всегда подтягивается под общественно-государственный идеал, причём довольно быстро. Одной из особенностей нашего умения воплощать наши представления в камне является полное отсутствие инерции: как пожелаем, так и сделаем, причём практически мгновенно.

Л. И. Блехер

А. Н. Привалов

Спасибо. У меня исчерпался список записавшихся. Значит, если никто не изъявляет дополнительных воль, то я предоставлю слово для последних в рамках сегодняшнего вечера высказываний нашим докладчикам. Прошу, по очереди.

Р.Э. Рахматуллин

«Московский стиль» — мы понимали, что это некое условно выбранное название. А те, кто занимаются искусствами, в том числе архитектурой, понимают, что нет московского стиля, но есть московское барокко, московский классицизм, о котором говорил Феликс Вельевич, московский модерн, московская версия неорусского стиля, — то есть московские стили есть. Когда же мы говорим «московский стиль», мы, кажется, хотим сказать «московский порядок» и «московский ордер», «московский строй». То есть, оспаривая существование московского стиля, мы в действительности подспудно оспариваем существование строя, ордера, порядка — кажется, так. То есть мы говорили не о стиле.

Я же пришел с мыслью всё-таки поговорить о стиле, как ни странно. На мой взгляд, мы, именно сегодняшние спикеры, выстроили довольно стройную систему в первой части заседания. Всё-таки у нас получилось, что сначала идентичность страны — это несколько банально, но тем не менее, — затем столичная идентичность, понимание природы столичности, затем генеральное планирование, и затем всё-таки уже точечные, адресные результаты, в том числе касающиеся стиля. Следовательно, трудно выйти на рождение нового стиля, не отдавая себе отчёт в идентичности страны, в природе столичности, и не погружая проектирование частное в проектирование общее. Вот это мне показалось довольно простым и понятным выводом.

О том, что у нас нет единого представления об идентичности страны, а равно и об идентичности столицы, я сказал с самого начала, мне это абсолютно понятно. Но вот Вы [О. Вендина] сказали о мифах, о количестве мифов, которые здесь прозвучали. Я готов назвать, ну, может быть, самый крайний из них: не миф — мечта, мечта о взятии Царьграда. Вот, казалось бы, о чём вредно было мечтать, во мнении многих [одних]. Чрезвычайно важно было мечтать об этом, во мнении многих других. А когда оказалось возможным сделать это, и когда струсили у ворот города, оказалось, что мало мечтали, мало думали, мало анализировали, вообще не знали, что с этим делать.

Мало Достоевского, мало Ивана Аксакова для этого — для того чтобы срочно сформировать повестку дня, для того чтобы срочно создать образ мысли, необходимый именно для этой победы. Поэтому надо мечтать по максимуму, конечно, и помнить обо всех наших мифах, в том числе об этом. Это была предельно реальная и абсолютно необходимая задача — и сейчас всё было бы иначе. Это невозможно доказать, но уверяю вас, что всё пошло бы иначе с 1878 года. Как пример максимальной мечты и, казалось бы, мифа, мифологической истории.

Здесь сказали, что опасно знать, как надо, но важно знать, как было. Вот я не знаю, как надо, но я знаю, как было. Я понимаю, что некрополь митрополитов киевских в Москве в XIV–XV столетиях — это высказывание о столичности. Следовательно, высказывание — это не обязательно речь, это не обязательно указилочки товарища Сталина, которого здесь так много сегодня, — Феликс Вельевич, Вы правы совершенно, всё время на это съезжают. Речь может быть совсем иной. Некрополь митрополитов киевских делает город столицей. Белокаменные стены Дмитрия Донского, когда все стены городов деревянные, кроме некоторых северо-западных крепостей, — это высказывание о столичности. И это высказывания XIV столетия. Это способ говорения совершенно точно, совершенно точно!

Что, московский или великий князь не размышлял о городе? Он делал это едва ли не единолично. В XIV веке ещё от него отделялась фигура второго человека в городе, кого-то похожего на мэра, он назывался «тысяцкий», и это была семейная должность Воронцовых, Вельяминовых и некоторых других. Последнего из них казнил Дмитрий Донской, и это раздвоение снова сошлось в одну фигуру — князь был

хозяином своего города. Уверяю вас, даже если до нас не дошли его высказывания, он думал о своей столице, о её устройстве поминутно. Мы знаем примеры Ивана III, который вандалным образом упразднил несколько церквей на плацдармах Кремля. Это вызвало публичную полемику в церковных кругах с ним.

Это жесты, которые даже вербализованы, они известны. Это, безусловно, размышления о столичности, конечно же! Так же как является размышлением о столичности кирпичное столпотворение — колокольня Ивана Великого или церковь Вознесения в Коломенском. Представляете себе, кирпичное столпотворение — творение столпа! Государь, который делает это, попадает в определённое стих-описание. Он понимает, чем он рискует, и тем не менее он созидает эти столпы и достаёт до неба. Это поразительные вещи, о которых думали государи в русской столице, безусловно.

Я говорю это просто в порядке ответа на некоторые реплики.

Да, и конечно, очень важно, мне кажется, преодолеть заблуждение, что Москва некоторое время не была столицей. Была, потому что Кремль и до десятка императорских резиденций находились в дворцовом ведомстве. Вычленение Кремля в дворцовое ведомство из управления города — то, что мы видим и сейчас (Управление делами президента) — это вычленение петербургского периода. Дворцовое ведомство в Кремле, в Коломенском, в Царицыне, в десятке резиденций на Яузе делает город столичным. Присутствие двух департаментов сената в Москве, так же как сейчас присутствие некоторых департаментов судебных в Петербурге, делает Москву столицей. Восстановление патриаршества московского накануне переезда советского правительства — это аспект столичности, восстановленный до переезда советского правительства. Таких аспектов, безусловно, гораздо больше.

Здесь говорилось, что мы вроде бы все согласились только с тем, что в Москве существует вот этот проект общественных пространств. Я согласен с одним своим коллегой, который говорит, что общественное пространство всегда существовало. Понимаете ли, перекладка мостовой не превращает пространство в общественное, не делает его более общественным. Но, безусловно, существует только один как-то объединяющий нас проект — *фланирование*. Это не проект общественного пространства, это проект *совместного фланирования*. Это может быть интересно некоторое время.

Мне очень хочется ответить на оппозицию «демократический – авторитарный». Ну, ежели брать весь возможный перечень рядоположенных здесь слов, то есть ещё аристократический, теократический проекты, не правда ли? Вот я, например, полагаю, что мы здесь совсем не демократы, а в большей степени аристократы, что аристократический принцип обобществился в результате революции, что у всех сложились фамилии, обращение по отчеству, обращение на «вы». И дворянская честь, обобществленной будучи, превратилась в гонор — чудовищный, в том числе трамвайный, гонор. Это совершенно не демократически.

Мы — общество с аристократическим принципом, разлившимся в массу. У каждого есть дача — шесть соток — бывшая усадьба. Ничего демократического в этом нет. И всеобщая воинская обязанность была когда-то дворянской привилегией, и многое-многое другое. Что здесь демократического, когда мы друг друга убьём скоро из квазидворянского гонора? Мужики никогда так друг с другом не общались, как мы общаемся в сетях, понимаете.

А. Н. Привалов

Только ради бога не объявляйте сети аристократическими.

Р. Э. Рахматуллин

Это правда, — квазиаристократические. Это новое трамвайное хамство. Что здесь демократического? Когда мужик мужику такое мог сказать, что могут сказать друг другу в сетях? Поэтому, что такое этот проект, что в нём демократического, совершенно не понятно. Где тут эта наша демократия? Это, может быть, другая тема, очень интересная.

Ранний Маркс, «домарксистский», сказал, что революция ничего не отменит, а всё обобществит. Вот она обобществила, на мой взгляд, аристократический принцип. Буквально — как русский язык превращает honer в «гонор». Да, это совсем, казалось бы, отдельная тема, но очень для меня важная.

В том, что сказала Маша [Привалова], мне очень понравилась мысль о готовности москвича следовать какому-то примеру. Это как раз к вопросу о стиле. Для меня стиль — это согласие художника на повтор, а «большой стиль» — согласие общества на повтор за художником. В церемониале, в быту, в мебели, в чём угодно. И если человек, общество соглашается на повтор, если оно идёт за жестом, который мы считаем художественным... Хорошо, мы считаем, что создание пешеходных пространств — это художественный жест, ну, вот «стогны града» — пусть будет поэзия, о которой Михаил Иванович Москвин-Тарханов говорит. Но если мы видим, что публика готова следовать за этим жестом, за каким-то художественным или квазихудожественным жестом, значит есть шанс на новый «большой стиль».

Вот это согласие общества на повтор за художником присутствует — не рождается только сам этот новый «большой стиль».

И закончить я хочу с того же, с чего начал. Всё-таки у меня мечта-то своя есть, и это, конечно, мечта о новом «большом стиле». Потому что в точном стилистическом смысле мы живём в модернизме со времени Хрущёва — указа об излишествах. Несколько раз сменились не только властители, но и социальный строй. Это срок ни большой, ни маленький для барокко, для классицизма — какой-то сопоставимый 60–70-летний срок. На мой взгляд, он должен закончиться. Нетрудно предсказать, и об этом я тоже говорил, что оппозиция будет классицистической — это закон культурологии. Она будет классицистической, может быть, несильной, может быть, недолгой. Но классицизм

обычно возвращается. И пусть он будет немножко таким ориентальным, немножко восточным, может быть, немножко таманяновским. Мне кажется, здесь есть перспектива, хотя, конечно, она не связана прямо с обретением идентичности.

В минувшем году я был в Карабахе. Вот территория, или страна, как угодно, горная страна, достигшая сейчас максимальной идентичности, она предельно точно понимает, что она хочет. Это мужская мощная такая власть. Это очень военизированное общество, совершенно чётко понимающее, какую цивилизационную границу оно держит. Но это никак не отражается в архитектуре, при том что существует, казалось бы, таманяновская традиция. Таманяновская традиция в Ереване, например, совершенно выдохлась и превратилась в мертвящую: проспекты продолжают пересекаться по старому генплану, на которых строится что-то безобразное.

Так что даже обретение идентичности, той, о которой я бы мечтал, — имперской, восточно-европейской, восточно-христианской, мужской, аристократической, какой угодно, — даже она не ведёт механически к рождению «большого стиля». Там, в монументалистике, в высечении из камня, традиционно очень сильно это выражается, и сейчас очень сильно. Вот всех московских скульпторов запретить, а тех завезти. Но в архитектуре это пока не выражается никак. Следовательно, у нас нет гарантии того, что это появится даже тогда, когда мы обретём единую идентичность. Спасибо.

А. Н. Привалов

Очень хорошо, особенно насчёт московских скульпторов, с учётом, что именно сегодня пришла новость: мол, к 1 мая мы, конечно, не успеем поставить Святого Владимира, но вы не бойтесь, мы его обязательно поставим.

Прошу Вас!

Ю. Э. Григорян

Спасибо, было очень интересно. Я благодарен ещё раз за приглашение, было интересно послушать, я много для себя вынес и хотел бы заметить несколько вещей.

Во-первых, что город Москва уже есть, и он во многом построен. И в разговоре о стиле, о том, что ему нужен какой-то стиль, мне кажется, важно посмотреть на то, что уже построено. Это не пустое место, и не надо всё время думать, что его надо перестраивать или переделывать. Очевидно, за предположением о существовании правильного стиля есть предположение о том, что всё построенное — очень плохое. При том что надо сказать, что это, в общем-то, один из великих и прекрасных городов мира, и это мегаполис, достаточно важный для мира. Если мы посмотрим на это не изнутри, а снаружи, то это достаточно важно просто помнить.

Во-вторых, форма города живёт долго, и эти камни, о которых мы говорим, переживают людей. У меня есть представление, что город имеет собственные желания, что не люди его формируют, что город сам по себе порождает архитектуру,

и во многом он от человека автономен. И мы, в общем-то, не знаем, кто является адресатом архитектуры. Ну, по крайней мере, уж точно не жители и не люди, которые проживают в городе. Эта мысль не новая. Это Альдо Росси в своё время высказал, что, по сути дела, город — это организм, который продуцирует архитектуру самостоятельно. И архитектура сама себя тоже воспроизводит. В этом смысле важно сказать, что есть такая точка зрения, которую я разделяю: архитектура — это образ будущего, по крайней мере. Всегда так было, и я слышал подтверждения за этим столом.

Мне кажется важным сейчас сказать, что при моём большом уважении к Рустаму я, в общем, понял одну точку, в которой, видимо, мы с ним не сойдёмся. Потому что прошлое, о котором мы говорим, — с моей точки зрения, не то будущее, которое может быть, и из этого мы вряд ли можем сегодня построить архитектуру. Я не сказал бы, что это опасно, просто это посылка, из которой сегодня построить архитектуру достаточно трудно. И я благодарен Марии [Приваловой], которая заметила, что, в общем-то, город всё-таки — для человека. Это о сакральности, о которой здесь всё время говорится, — что архитектура происходит из какой-то сакральности, из каких-то историй прошлого, периодически из достаточно тёмного, между прочим.

Здесь важно сказать, что такое тогда столичность, если уже говорить о столичности. Столица, конечно, в России подаёт пример. Мы знаем, что всё, что делается в Москве, хорошее и плохое, распространяется мгновенно. Иногда хорошее распространяется по всей стране очень быстро, это важнейший прецедент. И то, что сегодня всё-таки произносятся слова о том, что это город для человека, — некоторые неуклюжие попытки, которые дезавуируются плохим качеством мощения плиткой или какими-то велодорожками, мне кажется, означают за деревьями не видеть леса. Может быть, что-то делается не совсем так, но устремления, по крайней мере, декларируются, устремления всё-таки благие.

В этом смысле, если говорить об архитектуре, то помимо общих рассуждений, можно говорить о ценности каждого проекта. Вот если уйти от общих фраз и обсуждать каждый конкретный проект, то мы увидим, что один дом может изменить весь город, что город — это такой организм, в котором строительство нового здания категорическим образом может изменить город в целом. Одно иногда очень маленькое здание, иногда временное здание, иногда малобюджетное здание, — и город становится другим. Возможности, которые есть у архитекторов, поэтому позволяют, по сути дела, всю вину за происходящее смело возложить на цех в целом.

Сегодня правильно также говорили, что архитектура, конечно, обслуживает, и она всё время следует за какими-то большими идеями и их оформляет, но при этом у неё есть своя сила. Иногда один человек может в большой степени изменить город, только построив одно здание. Думая о таких проектах, можно привести в пример также выпавший из Большой Москвы проект Москвы-реки, к которому мы какое-то имеем отношение. С моей точки зрения, это вполне столичный проект, потому что он ориентирован на периферию. Вот эти порты будущего, которые

город хочет построить, если не смотреть на всё через призму, что всё очень плохо, то публичные пространства на реке, где река — большой элемент, — всё это общее дело. Здесь город — это общее дело.

Мне кажется, что, рассматривая его как такое поле для реализации воль, но при этом не забывая о том, что он всё-таки большой и целый, ценность одного проекта достаточно велика.

А. Н. Привалов

Спасибо. Андрей Николаевич?

А. Н. Балдин

Наверное, я в чём-то соглашусь с Юрием, в чём-то не соглашусь. Разделение труда — архитектор говорит об отдельных домах, градостроитель смотрит на то, что между ними.

Мне кажется, что разговор был хороший, интересный, мозаичный, московский — каждый говорил своё. Я не назвал бы его хаотическим. Были обозначены некие про-рехи в общей картине, которая сейчас, на мой взгляд, проектно неуправляема. Я и не настаиваю на абсолютной управляемости. Я просто хочу, чтобы было больше порядка в часовом московском механизме.

Возникло, кстати, ещё одно слово — «ответственность» — на прошлом заседании. Пока всё катится очень быстро и безответственно. Возможно, 25-летний юбилей нас немножко охладит. Может быть, эта быстрая-быстрая жизнь начнёт понемногу сама на себя оглядываться. Главное, чтобы это происходило эволюционно, ни в коем случае не революционно. А то тут 17-й год на носу — этого подобия совсем не нужно.

Мне понравилось слово «фланирование», которое придумал Рустам. Возможно ли «генеральное фланирование»? Здесь могут появиться какие-то интересные филологические продолжения. А то тут мне сказали коллеги: «Мы теперь называемся ген-планисты». Вот это слово мне совсем не понравилось.

В заключение хотелось бы сказать о словах «жадность» и «нетерпение», они образуют плохую пару. Эта нехорошая пара определяет новый московский «стиль». И тут один знакомый священник говорит мне: «Ты тоже не торопись. Мы только-только проходим пик жадности. Произошёл Исход — всё по библейскому закону. Народ двинулся от рабства к свободе. Сорок лет мы будем к ней идти, а 20 — это пик жадности — притча о золотом тельце». Я прикинул примерно: ну да, пик — это десятый, двенадцатый год. Значит, мы уже начали понемногу выбираться. Очень эволюционно.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, если позволите, буквально несколько слов. Я тоже тогда выкрикну свое любимое, поскольку оно как-то тоже сегодня уже промелькнуло.

Тема, которую мы сегодня пытались обсудить, она никак не отдельная, не самостоятельная; конечно, она связана с нынешним устройством нашего Отечества, в котором даже слово «гиперцентрализация» слабо для описания происходящего. Конечно, она связана с полным отсутствием национального взгляда на себя. Конечно, всё так. Все эти темы, разумеется, увязаны с тем, что мы понимаем под сегодняшним состоянием Москвы и под тем состоянием, которое мы хотели бы видеть завтра.

Но есть еще один фон, на котором всё это разворачивается, сегодня он только краешком упоминался. Этот фон — нарастающее невежество. Потому что прав Рустам, когда он несколько раз сегодня принимался перечислять всполохи, протуберанцы столичности, которые выбиваются из его энциклопедической учёности по Москве. Их много, этих проблесков, но их надо знать. Даже не обязательно знать именно эти, надо знать хотя бы что-то об истории города, в котором ты волею судеб получил возможность махать руками, и это будет очень помогать.

Вот буквально сегодня мне показали в Интернете проект — как готовится к празднику Москва. Первого мая будет Пасха. Мне показали проект, как к празднику будет готовиться Тверской бульвар и Пушкинская площадь. И Тверской бульвар, и Пушкинская площадь — это до сих пор, что бы ни случилось с нашим городом, всё еще красивейшие места столицы. И единственное сравнение, которое мне приходит в голову, — нам к празднику устроят городскую ярмарку в захолустном городке штата Айова. Круглый ноль образования за этим проектом и круглый ноль ассоциаций! Надо чего-нибудь устроить к праздничку? Ну, давайте поставим большие — метра по четыре, кажется, — яйца пасхальные. Понаставим на красивейшем Тверском бульваре в непонятном порядке вот эти самые бредовые киоски, никому ни зачем не нужные. Один из них называется, по-моему, «Будка поцелуев». Ну, вот такой Арканзас.

Будто не было почти девяти веков московской истории, просто не было их. Пришли неиспорченные памятью люди и делают великому городу праздник в меру своего плоского разума.

Мне бы очень хотелось, чтобы мы — если уж речь идёт о том, что это в какой-то степени всё-таки для людей, — чтобы мы получили со временем возможность, чтобы к нашим нуждам пытались приспособиться люди хоть немножко более отёсанные. Ну, чтобы хоть совсем уж низкий уровень из того, что делается с Москвой, был постепенно вытеснен. Постепенно, не революционно. Ну, чтобы завтра уже не весь Тверской бульвар изгадили, а половину, а послезавтра — четверть. Глядишь, так что-нибудь и получится.

А в целом мне кажется, разговор у нас получился несопоставимо веселей, чем можно было опасаться. Большое спасибо!